Дискурсивные факторы, влияющие на выбор между послеложной и послеложно-падежной формой в языке бесермян (экспериментальное исследование)[1]

О. Л. Бирюк (МГУ им. М. В. Ломоносова)

М. Н. Усачёва (МГУ им. М. В. Ломоносова)

0. Постановка проблемы

Предметом рассмотрения данной работы являются факторы, влияющие на выбор послеложной или послеложно-падежной формы имени в речи носителей языка бесермян. Попытка выявления таких факторов, релевантных для удмуртского литературного языка, была предпринята Н. В. Кондратьевой в работе [Кондратьева 2010]. Язык бесермян, рассматриваемый большинством его исследователей как специфический диалект удмуртского языка, сочетающий в себе черты северно- и южноудмуртских говоров и содержащий субстрат тюркского происхождения ([Тепляшина 1970: 242], [Кельмаков 1998: 43]), в области грамматики схож с удмуртским литературным языком. В частности, в текстах на языке бесермян также встречается употребление падежных и послеложно-падежных форм в одних и тех же контекстах. Однако в целом в области средств выражения пространственных отношений между удмуртским литературным языком и диалектами удмуртского языка имеют место существенные различия. Так, Н. В. Кондратьева отмечает, что «в удмуртских диалектах число пространственных падежей варьируется от пяти до тринадцати» ([Кондратьева 2010: 5]). Кроме того, конкуренция падежных и послеложно-падежных форм разрешается по-разному в разных диалектах. Например, для южных диалектов характерно вытеснение форм аппроксиматива послеложными конструкциями и более частотное по сравнению с падежными употребление послеложно-падежных форм с показателем терминатива ([Кельмаков 1998: 117—118]). С другой стороны, в некоторых северных говорах и в языке бесермян из падежных форм послелога *дин'* ‘у, около, при, возле’ возникла новая серия приблизительно-местных падежей с показателем *–н'*-, присоединяющаяся к именам лиц (*пий-эз-н'-ъс* ‘от его сына’; [Кондратьева 2010: 6]). С нашей точки зрения, подобные противоположные тенденции свидетельствуют о том, что система выражения пространственных отношений в удмуртском языке на данный момент нестабильна. Нестабильна она и в бесермянском наречии, испытывающем значительное ареальное влияние диалектов удмуртского языка. Именно такой нестабильностью, на наш взгляд, вызвана конкуренция падежных и послеложно-падежных форм с одинаковой семантикой. Однако, как известно, язык стремится к устранению полной синонимии, и в бесермянском наречии можно проследить тенденции, задающие направление стабилизации системы средств выражения пространственных отношений. Об одной из таких тенденций, действующей на уровне падежных и падежно-послеложных форм, пойдет речь в данной работе.

---

[1] Основные положения данной статьи были изложены на Ломоносовских чтениях кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва, апрель 2010 г.) и на Одиннадцатом Международном конгрессе финно-угроведов (г. Пилишчаба, Венгрия, август 2010 г.). Сбор данных осуществлялся при поддержке гранта РФФИ № 10-06-00550-а.

Настоящая статья имеет следующую структуру. Раздел 1 посвящен изложению общей структуры локативной группы в языке бесермян. В этом разделе высказываются соображения относительно семантических и морфосинтаксических свойств послеложных групп, а также именных групп, оформленных локативными падежами.

Цель Раздела 2 — определение объекта исследования. В этом разделе бесермянские языковые единицы, обозначающие локализацию ориентира и способные присоединять именные зависимые, делятся на три класса — реляционные имена, несерийные послелоги, серийные послелоги. Каждому из этих классов дается характеристика с точки зрения семантических и синтаксических свойств составляющих его единиц, даются перечни этих единиц. Затем на основании характеристических свойств трех выделенных классов объясняется, почему не во всех контекстах, допускающих употребление и падежных, и послеложно-падежных форм, имеет место синонимия этих форм. В конце Раздела 2 указываются послелоги, которые образуют конструкции, рассматриваемые нами как семантически и структурно тождественные конструкциям с локативными формами имен.

В Разделе 3 речь идет о психолингвистическом эксперименте, который проводился в 2010 г. в д. Шамардан Юкаменского района Удмуртской республики с целью проверки гипотезы о влиянии дискурсивных факторов на выбор падежного или послеложно-падежного способа выражения пространственных отношений в языке бесермян. В этом разделе обосновывается необходимость проведения эксперимента для достижения поставленной цели, излагаются начальные гипотезы и методика эксперимента.

Раздел 4 посвящен результатам эксперимента.

В Разделе 5 содержатся некоторые дополнительные соображения в пользу использования методики референциальной коммуникации для исследования проблемы, являющейся предметом рассмотрения в настоящей статье.

В Разделе 6 излагаются возможные дальнейшие направления исследований.

Приложение содержит отрывки из текстов, полученных в результате каждого из типов эксперимента, кроме анкетирования.

1. Структура локативной группы в языке бесермян

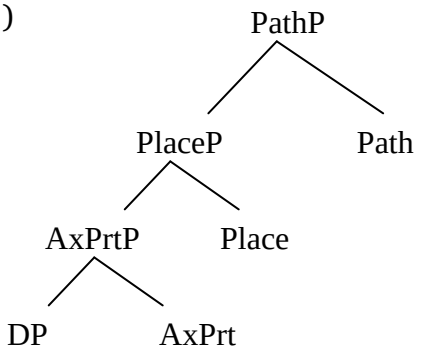
Для представления базовой морфосинтаксической структуры локативной группы в языке бесермян мы принимаем формализм, предложенный в работе [Ashbury 2008] для венгерского языка. Этот формализм опирается на следующие основные положения:

1) локативные падежи и послелоги входят в одну и ту же категорию P[2], поскольку и те, и другие могут маркировать аргументы глаголов, имен и прилагательных;
2) для представления морфосинтаксической структуры локативных падежей и послелогов удобно использовать двухкомпонентный анализ, включающий локализацию[3] (Place в терминах Э. Эшбери, configuration в терминах М. Крахта ([Kracht 2002])) и способ движения (Path в терминах Э. Эшбери, mode в терминах М. Крахта, ориентацию в терминах И. А. Мельчука ([Мельчук 1998])), поскольку их семантика (а для некоторых языков и устройство показателей) раскладывается на два соответствующих компонента;
3) генитив является реализацией категории D, поскольку он ведет себя как определенный артикль;
4) послелоги, управляющие падежной формой имени, не присоединяются к DP, а являются модификаторами, занимая позицию адъюнктов при вершине Path P или Place P, поскольку они не присоединяют DP в качестве непосредственного комплемента.

[2] Об общности свойств адлогов и падежей см. [Zwicky 1999].
[3] В настоящей статье используется набор локализаций, предлагаемый в [Мельчук 1998].

Так как эти положения верны не только для венгерского языка, являющегося предметом рассмотрения Э. Эшбери, но и для языка бесермян[4], мы считаем целесообразным перенести структуру, разработанную для венгерских локативных групп[5], на бесермянское наречие. Эта структура имеет следующий вид ([Ashbury 2008: 64]):

(1)



Проекция Axial Part была предложена в работе [Svenonius 2006] для той части локативной группы в языках типа английского, которая обладает набором именных характеристик. В языке бесермян эту проекцию заполняют так называемые реляционные имена типа *vəl* ‘поверхность’ (см. Раздел 2). Проекция Place реализуется послеложными основами, а также показателями аппроксиматива *lan’*[6] и пролатива *ti*, проекция Path — показателями локативных падежей и несерийными послелогами. Пространственные наречия, возникшие путем присоединения показателей локативных падежей к основам реляционных имен[7] и дейктических местоимений, анализируются следующим образом: основа является вершиной DP (в случае местоимений) или реализует проекцию Axial Part (в случае реляционных имен), а показатель падежа реализует проекцию Place или Path. Несерийные послелоги, не являющиеся производными от реляционных имен и дейктических местоимений и употребленные в функции наречий (например, *wamen* ‘через’), занимают позицию адъюнктов при вершине PathP.

Ниже приводится анализ морфосинтаксических структур нескольких локативных групп бесермянского наречия[8].

---

[4] К сожалению, объём данной статьи не позволяет подробно останавливаться на тех свойствах языка бесермян, на основании которых делается данное утверждение. Мы вынуждены отослать читателя к разного рода работам, посвященным бесермянскому наречию. Модели управления бесермянских глаголов, реляционных имен и прилагательных будут включены в мультимедийный лексикографический ресурс по языку бесермян, разработка которого ведется при поддержке упомянутого выше гранта РФФИ. Описание системы локативных падежей языка бесермян в терминах двухкомпонентного анализа содержится в [Строева 2008]. Свойствам бесермянского генитива посвящена работа [Леонтьев 2005]. Положение 4) носит общетеоретический характер и, на наш взгляд, в иллюстрации не нуждается.

[5] В связи с проблематикой настоящей статьи в ее рамках рассматриваются только те локативные группы, которые имеют пространственное значение. Для групп с непространственными значениями Э. Эшбери предлагает несколько другую морфосинтаксическую структуру ([Ashbury 2008: 70—71]).

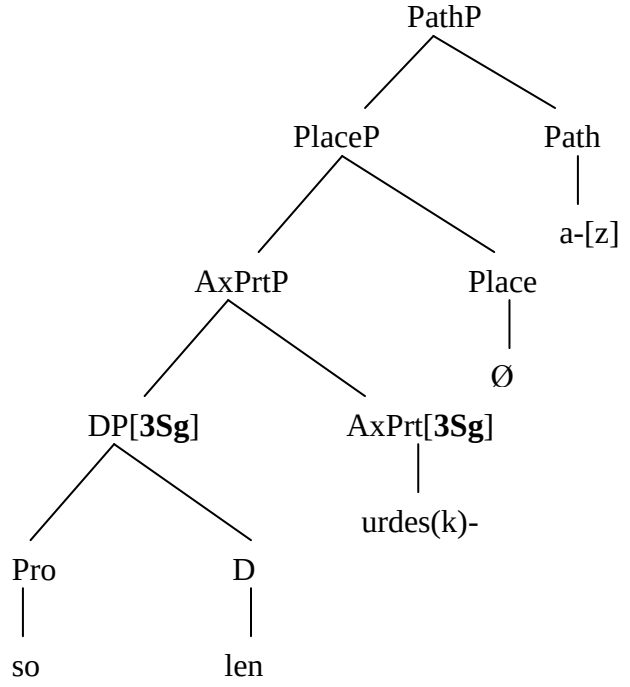
[6] Основной аргумент в пользу того, что аппроксиматив в языке бесермян не заполняет проекцию Path, заключается в том, что суффикс этого падежа не присоединяется к основам серийных послелогов, но зато чрезвычайно продуктивен в плане образования наречий от реляционных имен (*ul* ‘низ’ → *ul-lan’* ‘вниз’). Показатель *-lan’* является средством выражения скорее аспектуальных характеристик (см. подраздел 2.2).
Другие аргументы в пользу особого морфосинтаксического статуса аппроксиматива в языке бесермян, а также обоснование того, что показатель локатива реализует проекцию Path, содержатся в статье М. Н. Усачёвой в настоящем сборнике, посвященной локативным падежам в пермских языках. В рамках настоящей статьи дается лишь краткая обрисовка структуры бесермянских локативных групп, поскольку без этого дальнейшее изложение невозможно.

[7] Такие наречия могут выступать и в послеложной функции (см. пример (6) ниже).

[8] Приводимые здесь и далее примеры взяты из текстов, полученных в д. Шамардан Юкаменского района Удмуртской республики от носителей бесермянского наречия в результате психолингвистического эксперимента. Об этом эксперименте речь пойдет ниже. В тех случаях, когда примеры берутся из других источников, при примерах даются ссылки на эти источники.

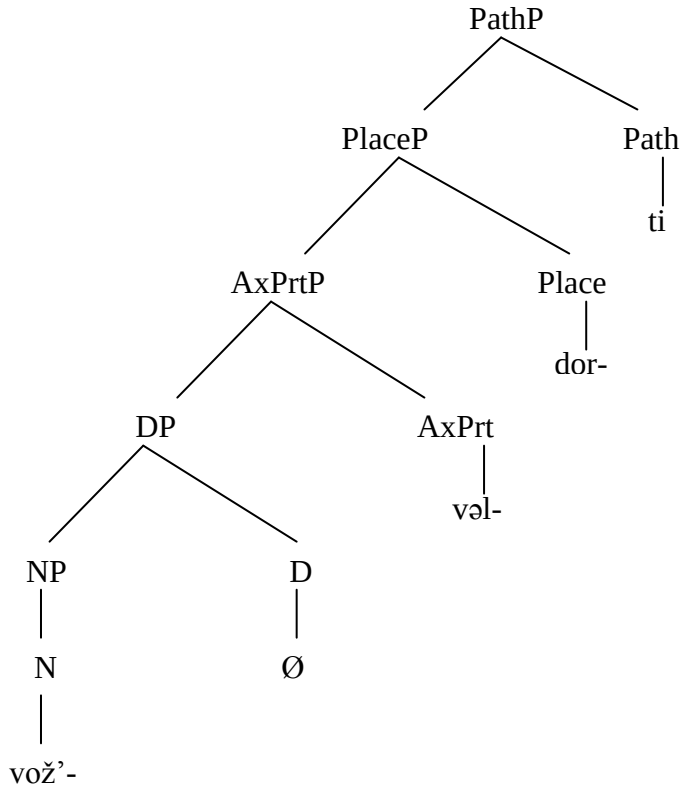
(2) a) a petuk... **so-len** **urdesk-a-z**, bur pal-a-z səl-e
a петух тот-GEN1 бок.OBL-LOC-P.3 правый сторона-LOC-P.3 стоять-3SG:PRS
petuk.
петух
А петух… сбоку от него, справа стоит петух.

b)



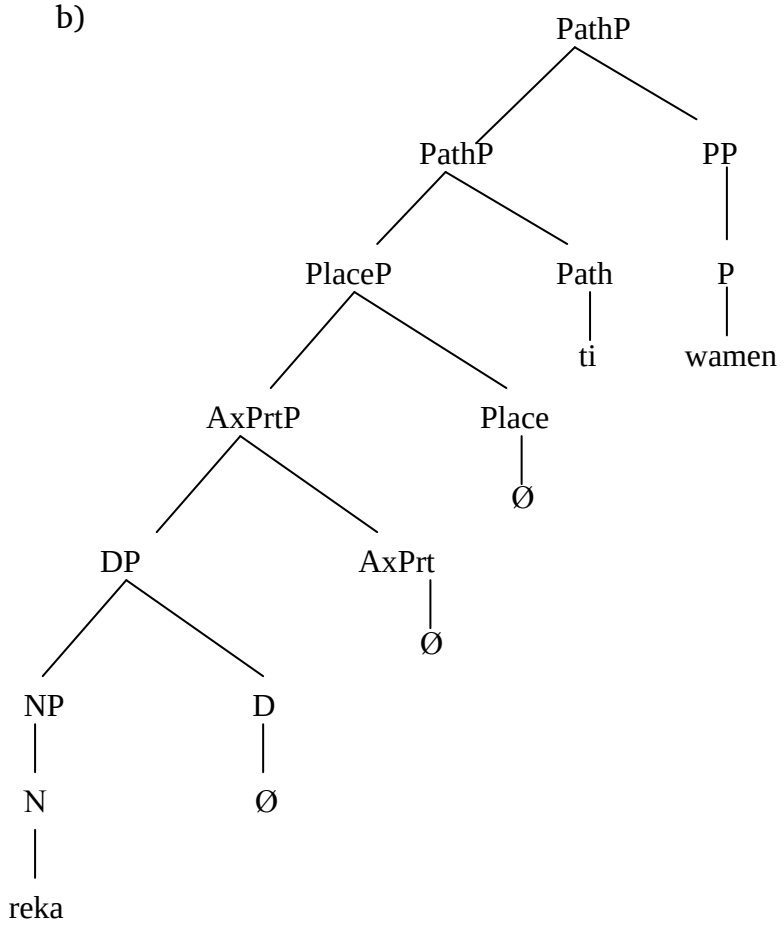
(3) a) mən-e so op'at' **vož'vəl** **dor-ti**, vož'
идти-3SG:PRS она опять луг.поверхность около-PROL луг
vəl-ti, turən pəl-ti, mən-e, mən-e,
поверхность-PROL трава внутри-PROL идти-3SG:PRS идти-3SG:PRS
mən-e...
идти-3SG:PRS
Идет она опять около луга, по лугу, по траве, идет, идет, идет…

b)



(4) a) reka-ti **wamen** pot-i-z.
река-PROL поперёк выйти-PRT-3
Через речку (букв.: по речке поперек) вышла.

b)

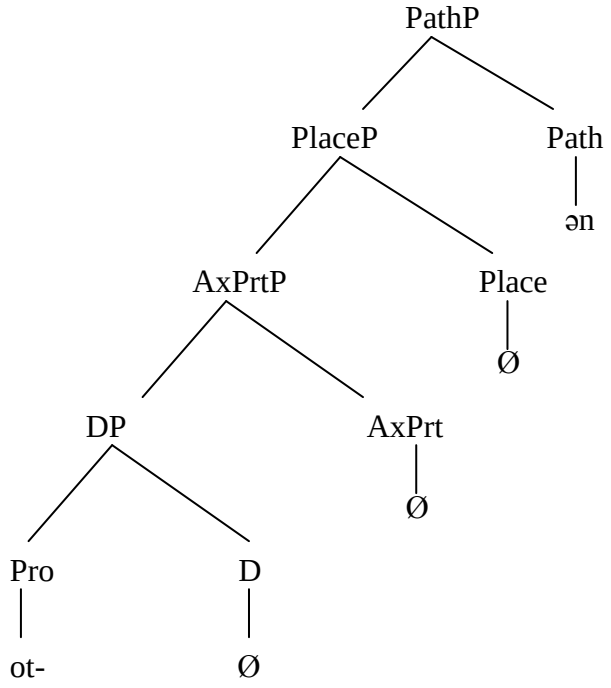


(5) a) aʒ’k-e kəd’ək-iš’en pič’i gine, korka kad’, **ot-ən** təl ʒ’ua.

виднеться-3SG:PRS далеко-EGR маленький только дом как тот-LOC огонь гореть.PRS.3SG

Виднеется издалека что-то вроде маленького домика, там горит огонь.

b)

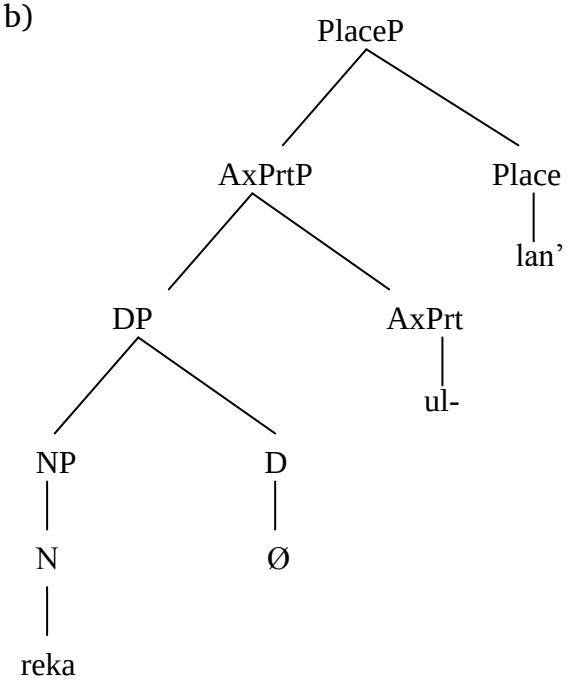


(6) a) waš’k-o **reka** **ul-lan’**.

спускаться-3PL:PRS река низ-APPROX

Спускаются вниз по реке.

b)



2. Объект исследования

Объектом рассмотрения в данной статье являются случаи синонимии падежных и послеложно-падежных форм имен в языке бесермян. Под именами в формах локативных падежей мы понимаем имена, оформленные показателями, представленными в Таблице 1.

Локативный падеж	Показатель в основном склонении	Показатель в посессивном склонении
локатив	-(j)ən	-(j)a-
иллатив	-(j)e	-(j)a-
элатив	-(j)əš’	-(j)əš’t(ə)-
аппроксиматив	-lan’	
терминатив	-ož’	-ož’a-
пролатив	-ti	-ti-
эгрессив	-(j)əš’en	-(j)əš’en(ə)-

Таблица 1. Показатели локативных падежей в языке бесермян

Под послеложно-падежными формами мы понимаем основы послелогов, оформленные показателями локативных падежей. Вопрос о том, что мы понимаем под послелогами, требует специального рассмотрения. Чтобы ответить на него, обратимся сначала к тем элементам, которые включаются в класс послелогов удмуртского литературного языка — в частности, что считают послелогами авторы работ [Кондратьева 2010] и [ГСУЯ 1962].

Как отмечает Н. В. Кондратьева, в удмуртском литературном языке «параллельно с падежными формами для выражения пространственных отношений используются послеложные конструкции» ([Кондратьева 2010: 12]). Она разделяет подобные параллельные употребления на два типа:

- те, в которых падежные формы синонимичны послеложным конструкциям (*бусы**етӥ** ортчыны ~ бусы пыр**тӥ** ортчыны* ‘пройти полем’; *гурт**лань** вамыштыны ~ гурт **пала** вамыштыны* ‘направиться в сторону деревни / по направлению к деревне’);
- те, в которых «падежные маркеры выражают грамматические значения более высокого уровня абстракции, а семантика послелогов довольно конкретна: они передают частные топологические значения: *азбар**ын*** (In) *будыны* ‘во дворе (In) расти’ ~ *азбар **шорын** будыны* ‘посреди двора расти’» ([Кондратьева 2010: 12]).

Авторы [ГСУЯ 1962] относят к классу удмуртских послелогов гораздо меньше единиц, чем Н. В. Кондратьева. Подчеркивая, что «послелоги в удмуртском языке встречаются редко» ([ГСУЯ 1962: 316]), они выделяют разряд «послелогов-имен», находящихся «как бы на промежуточной ступени развития между самостоятельными именами и послелогами» ([ГСУЯ 1962: 318]). К этому достаточно большому разряду авторы [ГСУЯ 1962] относят такие единицы, как *выл* ‘поверхность’, *ул* ‘низ’, *дур* ‘край’, *азь* ‘передняя сторона, фасад’, *бер* ‘зад’, *вис* ‘промежуток’, *борд* ‘стена’, *пуш* ‘внутренность’ и другие ([ГСУЯ 1962: 316—317]). Промежуточный характер «послелогов-имен» проявляется в том, что «с одной стороны они подобно послелогам служат средством выражения отношений между словами. В этом случае служебные имена имеют ослабленное предметное значение, но всё же, в отличие от послелогов с чисто служебной семантикой, они совмещают в себе грамматическую семантику с предметной, хотя и слабо проявляемой. <…> С другой стороны, указанные имена могут функционировать во фразе в значениях знаменательных слов, выступающих в роли самостоятельных членов предложения» ([ГСУЯ 1962: 317]).

Нам представляется удобным придерживаться более дробного деления класса пространственных единиц, предложенного в [ГСУЯ 1962]. Дело в том, что, поскольку

«послелоги-имена» (для обозначения этого класса языковых единиц мы используем термин «реляционные имена») сохраняют лексическое значение, конструкции с падежными формами этих имен не являются синонимами конструкций с падежными формами имен, заполняющих их валентность (см. примеры подраздела 2.1).

Для целей настоящей статьи необходимо также ввести дополнительное деление внутри класса собственно послелогов по признаку серийности / несерийности. К серийным послелогам мы относим послелоги, к основе которых присоединяются показатели хотя бы двух разных локативных падежей. Остальные послелоги являются несерийными. Противопоставление серийных и несерийных послелогов (послелогов именного и наречного типа) идентично противопоставлению inflectional vs non-inflectional postpositions, на наличии которого основан ряд важных положений диссертации [Ashbury 2008].

Реляционные имена, серийные и несерийные послелоги обладают семантическими и синтаксическими свойствами, определяющими возможность синонимии между конструкциями с их падежными формами и падежными формами их зависимых. Рассмотрим эти свойства.

2.1. Реляционные имена

Как уже было отмечено выше, реляционные имена занимают промежуточное положение между самостоятельными именами и послелогами, не обладая в полной мере свойствами ни тех, ни других. Одна из основных характеристических черт послелогов, отличающих их от имен ([Бирюк 2005]) — невозможность употребляться без зависимого. В случае, если зависимое не выражено на поверхностном уровне, а задается контекстом, в языке бесермян обязательно маркирование послелогов показателем посессива. Реляционные имена в подавляющем большинстве случаев демонстрируют такое же свойство. Ср. поведение серийного послелога *dor-* ‘около’ (APUD; пример (7)) и реляционного имени *urdes* ‘бок’ (примеры (8)—(9))[9]:

(7) <u>Инф. 1:</u> tak, p’ič’i p’i… L’emskoj... L’emskoj-ən ko[rka]...
так маленький мальчик Лемской Лемской-LOC дом

korka dor-a-z,
дом около-LOC-3

Так, мальчик… Лемский…в Лемском около дома,

<u>Инф. 2:</u> ot-ən a səl-e?
тот-LOC Q стоять-3SG:PRS

Там стоит?

<u>Инф. 1:</u> p’ervoj **korka dor-a-z** bur pal-a-z, korka š’er-a-z
первый дом около-LOC-3 правый сторона-LOC-3 дом сзади-LOC-3

v obš’em-to.
в общем-то

Около первого дома с правой стороны (от дома), за домом в общем-то.

[9] Приводимые здесь и далее примеры взяты из текстов, полученных в д. Шамардан Юкаменского района Удмуртской республики от носителей бесермянского наречия в результате психолингвистического эксперимента. Об этом эксперименте речь пойдет ниже. В тех случаях, когда примеры берутся из других источников, при примерах даются ссылки на эти источники.

Инф. 2: korka š’er-a-z, ja.
дом сзади-LOC-3 ладно
За домом, ладно.

Инф. 1: aga, samoj **dor-a-z**.
ага самый около-LOC-3
Ага, совсем около (дома).

(8) a petuk… **so-len** **urdesk-a-z** bur pal-a-z səl-e
а петух тот-GEN1 бок.OBL-LOC-3 правый сторона-LOC-3 стоять-3SG:PRS
petuk.
петух
А петух…сбоку от него, справа стоит петух.

(9) Инф. 1: l’ejka-d-e pukt-i-d a?
лейка-2-Acc класть-Prt-2 Q
Лейку поставила?

Инф. 2: l’ejka pukt-i.
лейка класть-PRT
Лейку поставила.

Инф. 1: **urdesk-a-z** kək t’ut’upi.
бок.OBL-LOC-3 два цыплёнок
Сбоку (от нее) два цыпленка.

Однако для реляционных имен употребление без явно выраженного зависимого при отсутствии посессивного маркера возможно, хотя и встречается крайне редко:

(10) Инф. 1: a veloš’iped-ed wan’ a tənad?
а велосипед-P.2 есть Q ты.GEN1
А велосипед есть у тебя?

Инф. 2: veloš’iped wan’ **vəl-ən,** samoj **vəl-ən**.
велосипед быть поверхность-LOC самый поверхность-LOC
Велосипед есть наверху, на самом верху.

Объясняется это, на наш взгляд, тем, что реляционные имена обозначают части объектов (ср. выше примеры единиц, которые авторы [ГСУЯ 1962] относят к «послелогам-именам»), а следовательно, имеют валентность ЦЕЛОЕ, которая в нормальных условиях должна быть заполнена.

Прочие синтаксические свойства реляционных имен совпадают со свойствами имен самостоятельных. Так, они, в отличие от послелогов, могут присоединять показатели ядерных падежей (пример (11)) и множественного числа (пример (12)), а также присоединять прилагательное в качестве зависимого (пример (13)), ср.:

(11) nu pun ken'a-ke, sobere marəm eto, nu gd'e-to naverno so odig
ну класть сколько-если потом вроде это ну где-то наверно тот один
parš'pi-jez kuž'da **vis-e** van'.
поросёнок-3 длиной.с промежуток-1 быть
Ну положи сколько-то потом это самое, ну где-то, наверное, это длиной в одного поросенка у меня промежуток есть.

(12) vož' vəl-ən ot' vel't'-e, **vis-jos-ti-əz**, olan'-
луг поверхность-LOC тот.PROL гулять-3SG:PRS промежуток-PL-PROL-3 тот.APPROX
talan' turən pəl-ti.
этот.APPROX трава внутри-PROL
По лугу там ходит, по промежуткам (между зарослями травы), туда-сюда, по траве.

(13) **bur** **pal-a-z** ot-ən kal mar-ke van'.
правый сторона-LOC-3 тот-LOC веревка что-если быть
С правой стороны там что-то вроде веревки есть.

Кроме того, зависимые от реляционных имен — так же, как и зависимые от самостоятельных имен (см. [Леонтьев 2005]) — могут стоять как в форме генитива[10] (пример (8)), так и в форме номинатива (в последнем случае речь идет о конструкции с соположением[11]; пример (14)):

(14) **nəl** **urdesk-ən** č'ašja tin' bud-e, sad-jos bud-o
девочка бок.OBL-LOC лес вот расти-3SG:PRS сад-PL расти-3PL:PRS
so dor-ən.
тот около-LOC
Сбоку от девочки лес вот растет, лиственные деревья растут около нее.

Как уже отмечалось в Разделе 1, в языке бесермян реляционные имена реализуют проекцию Axial Part. Такой формализм хорошо описывает ряд особенностей этих имен — например, способность управлять генитивом (см. пример (2)), а также тенденцию «прирастать» к зависимому имени, образуя композит (пример (3)).

Подчеркнем, что конструкции с реляционными именами не являются тождественными конструкциям с локативными падежами ни семантически — поскольку реляционные имена сохраняют лексическое значение, — ни синтаксически — поскольку они заполняют разные проекции. В качестве примера такой разницы ниже приводятся кадры из мультфильма, использованного в качестве одного из стимулов в ходе психолингвистического эксперимента (см. Раздел 3), которые иллюстрируют значение высказываний (15) и (16), а также синтаксические структуры этих высказываний.

[10] По мнению Н. В. Кондратьевой, в таких употреблениях имеет место пространственное значение генитива ([Кондратьева 2010: 11]). Однако нам представляется, что в подобных случаях генитив выполняет свою основную функцию, маркируя приименное зависимое.

[11] Выбор между генитивным оформлением приименного зависимого и конструкцией с соположением определяется семантикой зависимого имени, а также коммуникативной структурой высказывания (см. [Леонтьев 2005]). Подчеркнем еще раз, что в этом отношении реляционные имена ведут себя так же, как и самостоятельные.

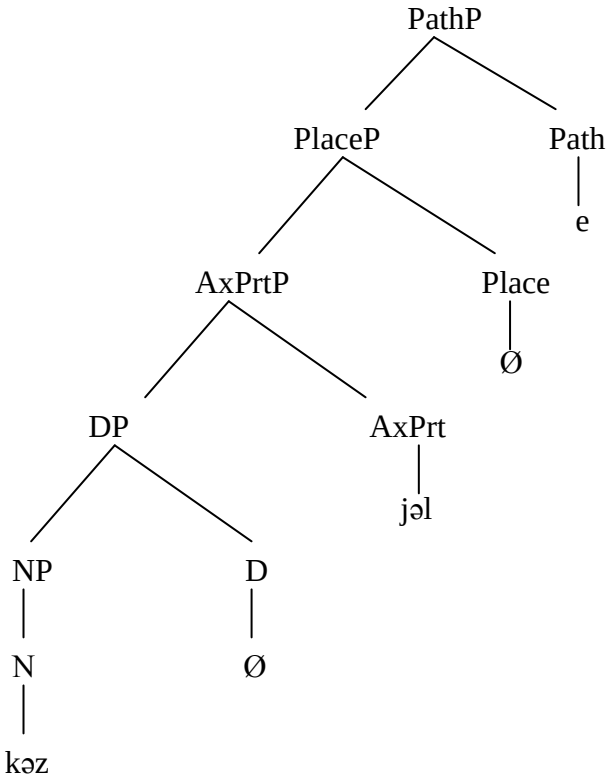
(15) a) təb-i-z **kəz** **jəl-e.**
подняться-PRT-3 ель верхушка-ILL

Залез на верхушку елки.

b)

Рисунок 1. Иллюстрация к примеру (15a)

c)



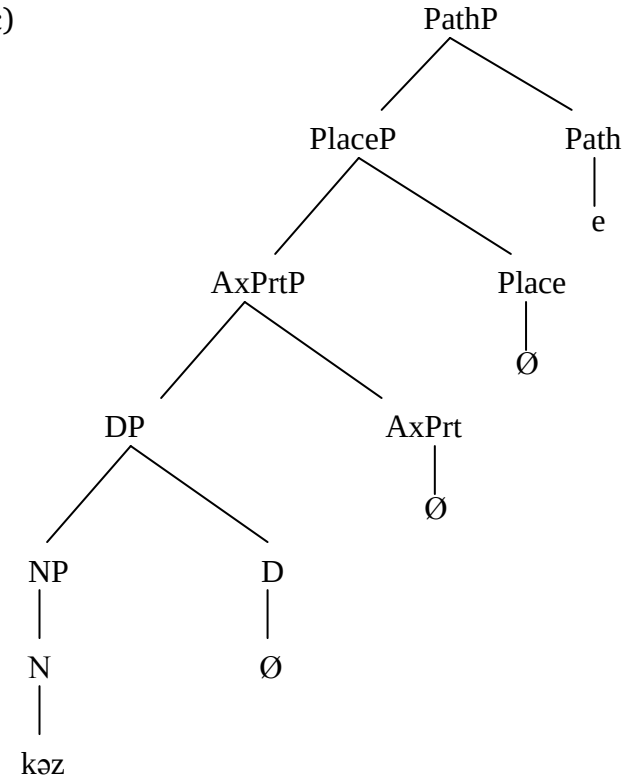
(16) a) təb-i-z **kəz-e.**
подняться-RPT-3 ель-ILL

Залез на елку.

b)

Рисунок 2. Иллюстрация к примеру (16a)

c)



В класс бесермянских реляционных имен, согласно нашим данным, попадают следующие единицы: *vəl* ‘поверхность объекта’, *ul* ‘нижняя часть, пространство ниже ориентира’, *až’* ‘передняя часть’, *ber* ‘задняя часть’, *jəl* ‘верхушка’, *vis* ‘промежуток’, *šor* ‘середина’, *dur* ‘край’, *pal* ‘сторона’.

Отметим, что, поскольку мы не относим реляционные имена к послелогам, случаи типа *гурт**лань** вамыштыны ~ гурт **пала** вамыштыны* ‘направиться в сторону деревни / по направлению к деревне’, анализируемые Н. В. Кондратьевой, находятся за пределами нашего рассмотрения. Более того, необходимо отметить, что слово *pal* ‘сторона’ ближе к собственно именам, чем другие реляционные имена. Дело в том, что оно сочетается с указательными местоимениями (пример (17)) и другими реляционными именами (пример (18)):

(17) lokt-e so reka dur-ti tože lokt-e, **ta** **pal-ti**… so
идти-3SG:PRS он река край-PROL тоже идти-3SG:PRS этот сторона-PROL он

so **pal-ti-əz** so reka dur-ti lokt-e.
тот сторона-PROL-3 он река край-PROL идти-3SG:PRS

И идет вдоль речки тоже идет, с этой стороны, он с той стороны, он по краю реки идет.

(18) so kədə-jez... bur pal-a-z ton so-je kal’ pun, ja wa,
тот корзина-ACC правый сторона-LOC-3 ты тот-ACC сейчас класть ладно Q

pənə... pənə-len **ber** **pal-a-z** so.
собака собака-GEN1 зад сторона-LOC-3 тот

Эту корзину... справа ты ее сейчас поставь, ладно ли, собака...сзади собаки она.

Однако в связи с тем, что между случаями типа *гурт**лань** вамыштыны ~ гурт **пала** вамыштыны* ‘направиться в сторону деревни / по направлению к деревне’ семантических различий не просматривается, остановимся на них поподробнее.

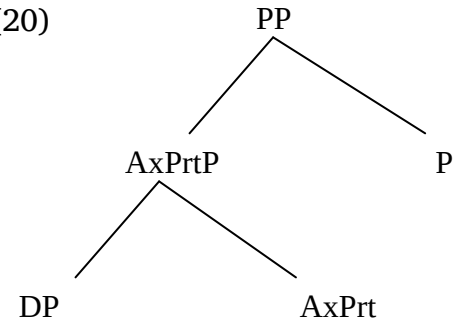
Контексты с аппроксимативом типа (19), сконструированные нами, допускались информантами только при условии наличия интерпретации «шел, но не дошел» или «я видел, как он шел, но не знаю, дошел ли он». В связи с этим можно сделать вывод, что в подобных контекстах присутствие аппроксиматива маркирует недостижение действием естественного предела:

(19) a) — ton volod'a-jez e-d adʒ'e?
ты Володя-Acc.3 Neg-2 видеть
Ты Володю не видел?

— so **magaž'in-lan'** mən-i-z.
он магазин-APPROX идти-PRT-3
Он ушел в сторону магазина.

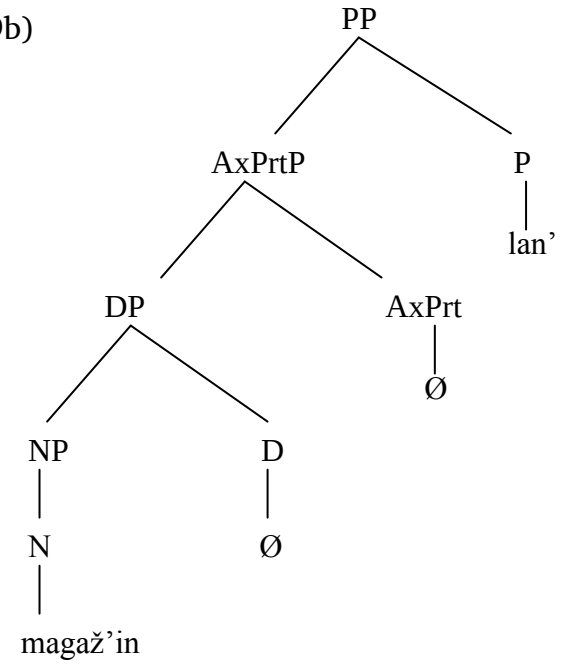
Для венгерских форм, содержащих показатели локативных падежей, но не имеющих пространственного значения, Э. Эшбери предлагает следующую морфосинтаксическую структуру ([Ashbury 2008: 71]):

(20)



Распространяя этот анализ на язык бесермян, получаем:

(19b)

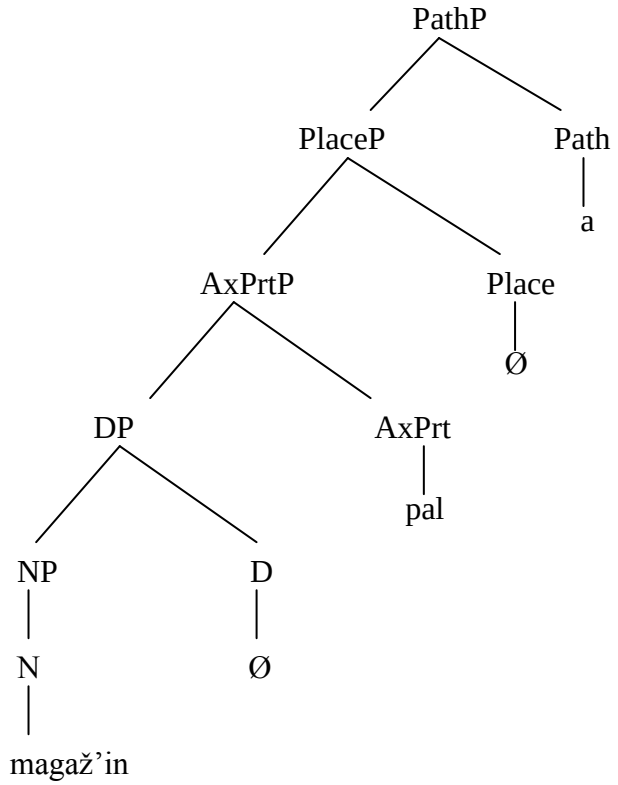


В высказывании (21) реляционное имя *pal* 'сторона' в форме иллатива выступает как средство выражения аппроксимативного значения (приближения к ориентиру), нейтральное к аспектуальным характеристикам:

(21) a) — ton volod’a-jez e-d adʒ’e?
ты Володя-ACC.3 NEG-2 видеть
Ты Володю не видел?

— so magaž’in **pal-a** mən-i-z.
он магазин сторона-ILL идти-PRT-3
Он ушел в сторону магазина.

b)



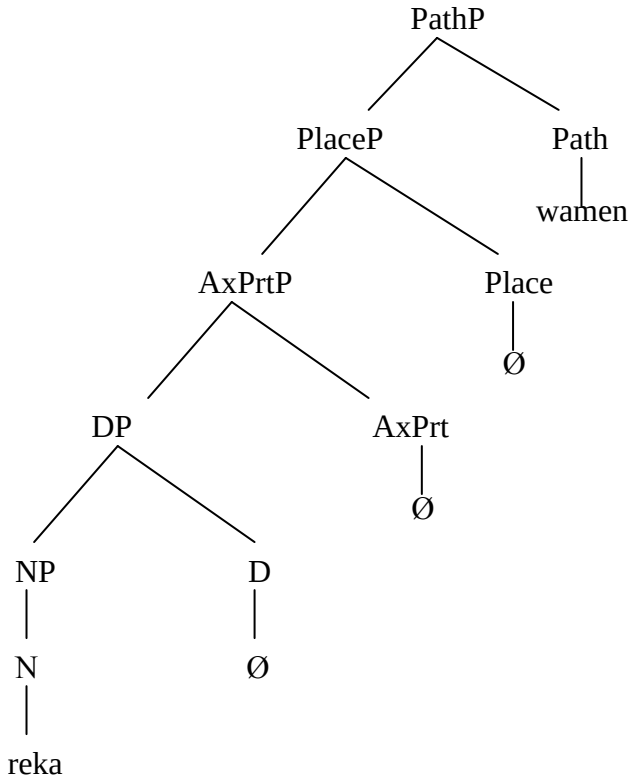
Из примеров (19) и (21) видно, что в языке бесермян слово *pala* специализировалось как средство выражения аппроксимативного значения, а собственно аппроксиматив «ушёл» в сторону аспектуальности. Таким образом, в этом диалекте конструкции с именем в форме аппроксиматива и со словом *pala* не являются синонимичными.

2.2. Несерийные послелоги

Для несерийных послелогов бесермянского наречия мы предлагаем морфосинтаксическую структуру, согласно которой они реализуют проекцию Path:

(22) a) marəm ki... **reka** **wamen** e-z uk pot-e?
что [оговорка] река поперёк NEG-3 EMPH выходить-SG
Через реку не переходит?

b)



С нашей точки зрения, такой анализ позволяет объяснить, почему несерийные послелоги не сочетаются с показателями локативных падежей. Причина состоит в том, и те, и другие заполняют одну и ту же проекцию Path.

Несерийные послелоги могут выступать также в функции наречий. В этом случае они занимают позицию адъюнкта при вершине PathP (см. пример (4) выше).

К несерийным послелогам бесермянского наречия мы относим следующие единицы: *kuž'a* ‘вдоль по’, *kuž'da* ‘вдоль по’, *wamen* ‘через, поперек’, *ullan'* ‘наверх’, *vallan'* ‘вниз’. Два последних послелога чаще употребляются как наречия, но способны выступать и в послеложной функции, ср.:

(23) gurež' val-lan' təb-e, gurež' ul-lan'
гора поверхность-APPROX подниматься-3SG:PRS гора низ-APPROX

waš'k-e, mən-e, mən-e.
спускаться-3SG:PRS идти-3SG:PRS идти-3SG:PRS

Вверх по горе поднимается, под гору спускается, идет, идет.

Поскольку несерийные послелоги не сочетаются с показателями локативных падежей, а также не являются их синонимами, они не входят в сферу нашего рассмотрения.

2.3. Серийные послелоги

Часть случаев, рассматриваемых Н. В. Кондратьевой в качестве синонимии послеложных и послеложно-падежных конструкций, — это контексты с серийными послелогами и соответствующими им падежными формами, как в (24) и (25):

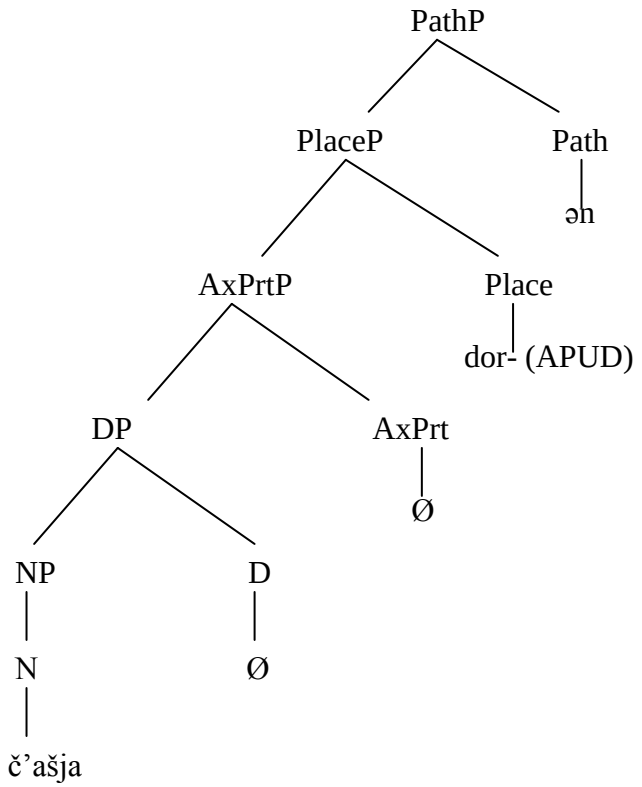
(24) a) č'ašja dor-ən səl-e so.
лес около-LOC стоять-3SG:PRS тот

Около леса она стоит.

(25) a) č’ašja-jən səl-e so.
лес-LOC стоять-3SG:PRS тот
В лесу она стоит.

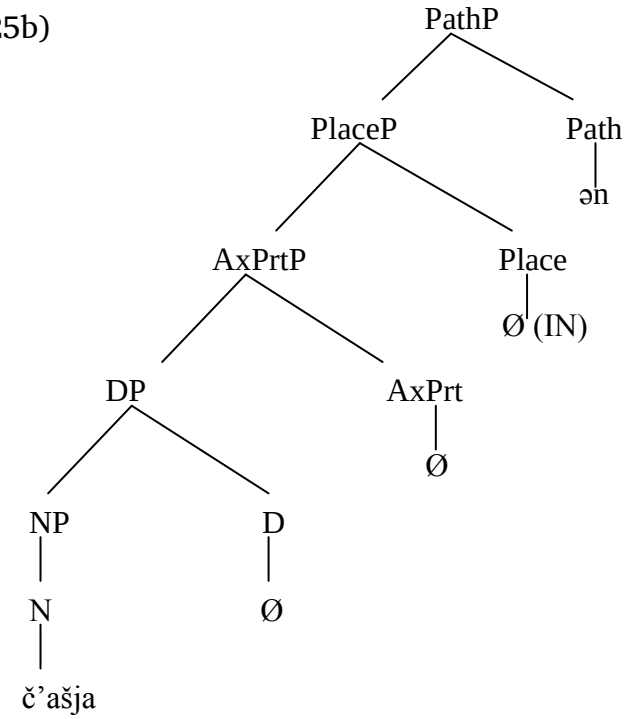
По мнению Н. В. Кондратьевой, возможность замены послеложных конструкций падежными аффиксами в литературном удмуртском языке определяют «наличие / отсутствие актуализации типа пространства, в котором происходит движение, а также в ряде случаев физические и геометрические характеристики ориентира» ([Кондратьева 2010: 13]). Под «физическими и геометрическими характеристиками ориентира», видимо, имеются в виду ограничения на сочетаемость у единиц, включаемых нами в класс реляционных имен. Например, уже упоминавшееся реляционное имя *jəl* ‘верхушка’ присоединяет в качестве зависимых только имена, у которых есть ярко выраженный верх, напоминающий по форме острие (так, допустимо *pu jələn* ‘на дереве’, *jər jələn* ‘на голове’, *gurež’ jələn* ‘на горе’ но невозможно **ǯ’ək jələn* ‘*на столе’, **pol jələn* ‘*на полу’). Большинство «полноценных» послелогов характеризуется практически неограниченной сочетаемостью; следовательно, можно заключить, что их употребление служит «актуализации типа пространства» (в терминах Н. В. Кондратевой), то есть выражению локализации. Так, основа послелога *dor-* в примере (24a) выражает локализацию APUD ‘окрестность ориентира’:

(24b)



В примере же (25a) вместо локализации APUD присутствует не выраженная на поверхностном уровне локализация IN ‘внутри’:

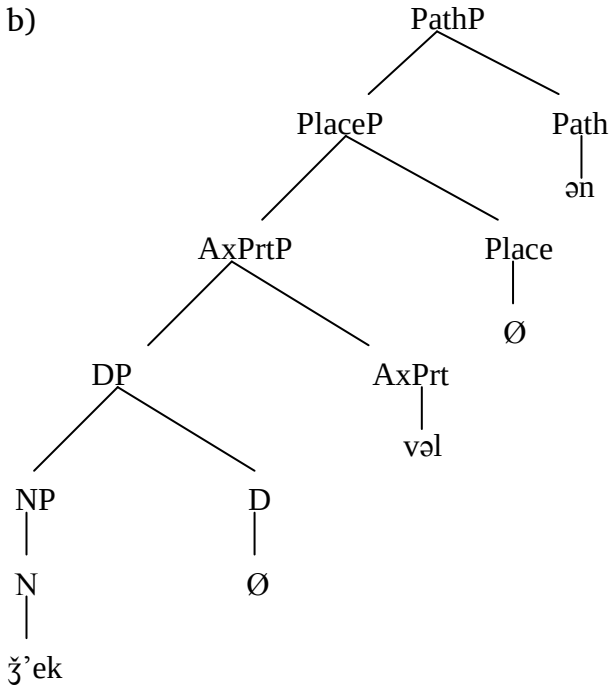
(25b)



То, что локализация IN ‘внутри’ имеет в языке бесермян нулевое выражение, продемонстрировано, например, в приведенных выше примерах (15) и (16), полученных в результате психолингвистического эксперимента. По окончании эксперимента эти примеры были проверены с информантами. В ходе этой проверки пример (16) при изолированном предъявлении интерпретировался как «солдат залез на елку и сидит среди сучьев». На это же указывает перевод сконструированных нами примеров (26) и (27), данный информантами:

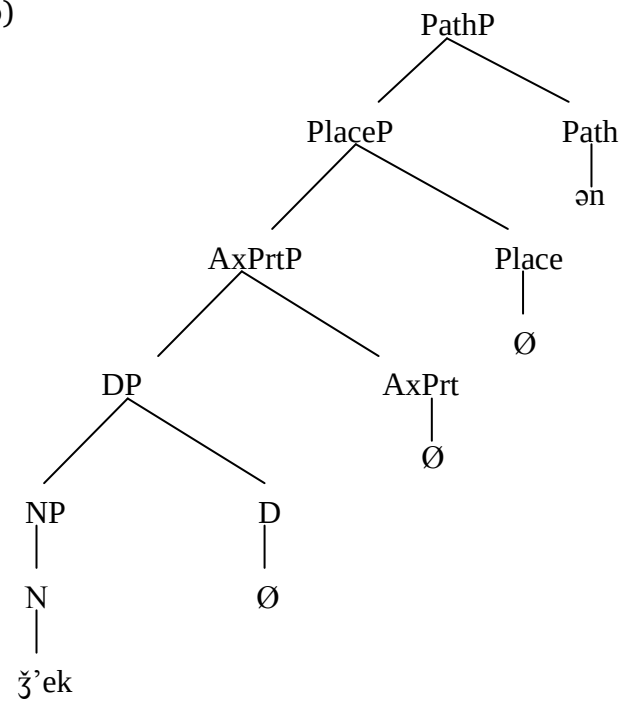
(26) a) **ʒ’ek** **vəl-ən** kn’iga kəl’l’-e.
стол поверхность-LOC книга лежать-3SG:PRS
На столе лежит книга.

b)



(27) a) **ǯ’ek-ən** kn’iga kəl’l’-e.
стол-LOC книга лежать-3SG:PRS
В столе лежит книга.

b)



Из примера (27) видно, что при присоединении к имени *ǯ’ek* ‘стол’ показателя локатива возникает интерпретация «в столе», в то время как наиболее естественная для стола локализация CONT ‘поверхность’ выражена реляционным именем *vəl* (пример (26)).

Как видно из структур (24b) и (27b), основы бесермянских серийных послелогов заполняют проекцию Place и являются средством выражения локализаций. Кроме того, некоторые из них указывают на семантический класс имени. Эти свойства отражены в Таблице 2.

Основа послелога	**Локализация**	**Семантический класс имени**
dor-	APUD ‘около’	сочетается с любыми именами
bord- (удм.)	APUD ‘около’	сочетается с любыми именами
wal’l’in- (удм.)	APUD ‘около’	сочетается с любыми именами
kotər-	CIRCUM ‘вокруг’	сочетается с любыми именами
bərš’-	POST ‘сзади’	имена с ярко выраженной задней частью
š’er-	POST ‘сзади’	сочетается с любыми именами
pumət’-	ANTE ‘напротив’	имена с ярко выраженной передней частью[12]
wats- (удм.)	ABOVE ‘над’	сочетается с любыми именами
pər-	INTER2[13] ‘внутри’	сплошная среда

[12] Предположение о теоретической возможности наличия языка, в котором противопоставление «передняя vs задняя сторона» было бы грамматикализовано, высказывал А. Е. Кибрик ([Кибрик 1970: 118—119]). Согласно нашим данным, язык бесермян представляет собой как раз идиом такого типа.

[13] Вслед за И. А. Мельчуком ([Мельчук 1998]) мы относим внутреннюю область ориентира, представляющего собой заполненное пространство, к локализации INTER. С нашей точки зрения, это удобно, поскольку таким образом можно различить локализацию ‘внутри’ для заполненного и незаполненного пространства. Однако поскольку в языке бесермян выделяются два семантических класса, входящих в заполненное пространство — однородная среда (включающая лексемы типа *ləmə* ‘снег’, *turən* ‘трава’) и сплошная среда (включающая лексемы типа *jə* ‘лед’, *st’ena* ‘стена’), — мы разделяем локализацию

puš-	IN ‘внутри’	полость
pəl-	INTER1 ‘внутри; среди’	однородная среда[14]

Таблица 2. Серийные послелоги бесермянского наречия

Пометой «удм.» в Таблице 2 отмечены послеложные основы, употребляемые бесермянами редко и признающиеся информантами удмуртскими. Какой-либо разницы между *dor-*, *bord-* и *wal’l’in-* выявить не удалось.

Учитывая, что локализации IN, INTER1 и INTER2 могут в языке бесермян выражаться не только основами серийных послелогов, но и нулем, возникает три типа контекстов, в которых возможна синонимия падежных и послеложно-падежных форм. Это контексты с послелогом *pər-* ‘сплошная среда’ (примеры (28 a—b), полученные в ходе сбора анкеты с русского стимула[15]), *puš-* ‘полость’ (пример (29)), *pəl-* ‘однородная среда’ (примеры (30 a—b):

(28) a) so pot-i-z **es-ti.**
тот выйти-PRT1-3 дверь-PROL
Он вышел через дверь.

b) so pot-i-z es **pər** / es **pər-ti.**
тот выйти-PRT1-3 дверь сквозь дверь сквозь-PROL
Он вышел через дверь.

(29) bolot **korka**, so **korka** **pušk-ə** pər-i-z.
болото дом.ILL тот дом внутри.OBL-ILL войти-PRT1-3
В болотный дом, в этот дом он зашёл.

(30) a) vel’t’-e, vel’t’-e **č’ašja** **pəl-ti.**
ходить-3SG:PRS ходить-3SG:PRS лес внутри-PROL
Ходит, ходит по лесу.

b) p’ijosmurt-en soldat-en perehod vəl-ti
мужик-INSTR/COMIT солдат-INSTR/COMIT мостик поверхность-PROL
pot-i-z-ə i **č’ašja**-ti mən-o.
выходить-PRT1-3-PL3 и лес-PROL идти-3PL:PRS
Мужик с солдатом по мостику перешли и по лесу идут.

Именно такие конструкции являются основным предметом рассмотрения в настоящей статье.

3. Психолингвистический эксперимент

Эксперимент проводился в деревне Шамардан Юкаменского района Удмуртской республики в январе-феврале и июле 2010 года. В эксперименте принимали участие

INTER на INTER1 и INTER2, чтобы можно было отразить различие между этими классами. При этом в рамках нашего анализа приходится считать, что локализации INTER1 и INTER2, как и локализация IN, могут иметь в языке бесермян нулевое выражение (см. примеры ниже).

[14] О наличии противопоставления «сплошная среда vs полость», например, в кавказских языках, многие из которых в области выражения пространственных отношений схожи с уральскими, см. [Кибрик 1970].

[15] К сожалению, в текстах, полученных экспериментальных путем, примеров с послелогом *pər-* практически не встретилось. Связано это с тем, что в ходе эксперимента не было смоделировано движение или местонахождение в сплошной среде. Таким образом, для анализа структуры зоны пролатива в языке бесермян необходимо дополнительное экспериментальное исследование.

11 носителей бесермянского наречия, из них 2 молодые женщины 28[16] лет, 3 женщины старше 60 лет и 6 мужчин старше 60 лет. Все испытуемые родились в д. Шамардан, кроме одного мужчины, который переселился в Шамардан из соседней бесермянской деревни Ежевский починок. Все испытуемые являются трилингвами, усвоившими язык бесермян в качестве родного, но впоследствии выучившими также литературный удмуртский и русский языки в образовательных учреждениях. Язык бесермян является для испытуемых основным средством повседневного общения. Удмуртский и русский языки используются ими в основном в официальных ситуациях, а также при общении с односельчанами, являющимися носителями этих языков.

Основная цель эксперимента состояла в получении текстов на бесермянском наречии (как монологов, так и диалогов), содержащих большое количество падежных и падежно-послеложных форм с пространственной семантикой. Дело в том, что имевшиеся в нашем распоряжении до проведения эксперимента 50 текстов, записанных, затранскрибированных и переведенных на русский язык в деревнях Шамардан, Ворца, Жувам (Удмуртия) в 2003—2005 гг. в ходе экспедиций отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, к сожалению, не дают возможности исследования падежных и послеложно-падежных конструкций. Эти тексты, представляющие собой рассказы о жизни, бытовые диалоги, песни и рецепты, в силу своих жанровых особенностей содержат очень мало групп с пространственным значением. Анкетным методом особенностей функционирования синонимичных падежных и послеложно-падежных форм выявить также не удалось, поскольку в качестве перевода одних и тех же русских стимульных предложений разные информанты выдавали то падежные, то послеложно-падежные формы, признавая в то же время допустимость форм обоих типов. Таким образом, для исследования избранного нами явления оказалось необходимым наличие корпуса текстов особого типа, для получения которого был проведен эксперимент.

По окончании эксперимента тексты, записанные на диктофоны (речь каждого говорящего записывалась отдельно), были при помощи испытуемых затранскрибированы и переведены на русский язык. Позднее тексты были отглоссированы.

Моделирование эксперимента проводилось с учетом пяти начальных гипотез, выдвинутых на основании свойств других участков грамматики языка бесермян, также демонстрирующих вариативность, свойств других уральских языков, а также типологических свойств адлогов и локативных падежей.

Гипотеза 1. На выбор между падежной и послеложно-падежной формами при выражении пространственных отношений носителями языка бесермян влияет **положение имени в иерархии одушевленности**.

Ниже приводится иерархия одушевленности (в той форме, в какой она представлена в работе [Lehmann 2005]; РА обозначает речевой акт):

участник РА	не-участник РА

[16] К сожалению, дети и молодежь младше 20-25 лет, проживающие в д. Шамардан, не владеют языком бесермян как родным. Дело в том, что в связи с ограниченностью сферы употребления бесермянского наречия оно воспринимается носителями как «непрестижное», и с детьми на нем говорят редко. Поэтому в число испытуемых не включались бесермяне младше 20 лет.

<table>
<tr><td rowspan="2">человек</td><td rowspan="2">не-человек</td><td colspan="5"></td></tr>
<tr><td colspan="2">одушевленный</td><td colspan="3">неодушевленный</td></tr>
<tr><td colspan="4">индивидуальный объект</td><td colspan="2">субстанция</td></tr>
<tr><td colspan="6">объект</td><td>локация</td></tr>
<tr><td colspan="7">сущность</td><td>пропозиция</td></tr>
</table>

Схема 1. Иерархия одушевленности (по [Lehmann 2005])

О влиянии этого фактора на наличие/отсутствие маркирования имени показателем множественного числа см. [Шматова 2010]. О важности иерархии одушевленности для описания кодирования семантических ролей и синтаксических функций см. [Lehmann 2005]. О широко известной тенденции многих языков мира не маркировать одушевленные существительные показателями локативных падежей см., например, [Creissels 2008].

Гипотеза 2. На выбор между падежной и послеложно-падежной формами при выражении пространственных отношений носителями языка бесермян влияет **семантический класс имени.**

Замечания об особенностях локативного маркирования имен, принадлежащих к определенным семантическим классам (в частности, об особенностях терминов родства и названий населенных пунктов), высказаны в ([Creissels 2008]. Также ср. противопоставление «заполненное vs полое пространство» как фактор, влияющий на выбор падежа в дагестанских языках, описанный в статье [Кибрик 1970].

Гипотеза 3. На выбор между падежной и послеложно-падежной формами при выражении пространственных отношений носителями языка бесермян влияет **референциальный статус именной группы**[17].

Референциальный статус именной группы как фактор, влияющий на наличие/отсутствие показателя аккузатива на прямом дополнении в марийском языке, описан в статье [Толдова, Сердобольская 2002].

Гипотеза 4. На выбор между падежной и послеложно-падежной формами при выражении пространственных отношений носителями языка бесермян влияет **степень активации референта (данное / доступное / новое).**

Тенденция носителей бесермянского наречия маркировать имя показателем множественного числа при повторном упоминании референта и, наоборот, не использовать показатель множественности при введении нового референта упомянута в [Леонтьева 2005].

Гипотеза 5. На выбор между падежной и послеложно-падежной формами при выражении пространственных отношений носителями языка бесермян влияет эмфатическое выделение (топикальность).

По данным А. Ю. Фильченко ([Фильченко 2006]), выбор между семантически идентичными «активной» и «эргативной» (оформление агенсного референта местным падежом при обычном — «активном» — глагольном согласовании) конструкциями в восточно-хантыйских диалектах мотивирован наличием/отсутствием сдвига топикальности.

С целью проверки исходных гипотез были проведены эксперименты четырех типов:

- изложение событий, происходящих в четырехминутном мультфильме;
- эксперимент с раскладыванием карточек;
- эксперимент с передвижением по плану местности;

[17] При трактовке термина «референциальный статус именной группы», а также при выборе списка возможных референциальных статусов мы руководствовались книгой [Падучева 1985].

- анкетирование.

В Таблице 3 указано соотношение типа эксперимента с номером начальной гипотезы, с целью проверки которой он проводился. Подробное описание того, каким образом начальные гипотезы учитывались при моделировании эксперимента, а также методик и некоторых результатов содержится в подразделах 3.1—3.4.

	Тип эксперимента			
	мультфильм	карточки	план местности	анкетирование
номер начальной гипотезы	1, 2, 4, 5	1, 2, 4, 5	1, 2, 4, 5	2, 3

Таблица 3. Соотношение типов эксперимента с начальными гипотезами

В ходе как подготовки, так и проведения эксперимента мы руководствовались общими методическими принципами организации психолингвистических экспериментов, подробно изложенными в [Фёдорова 2004]. Как уже отмечалось выше, на основании уже имевшегося в нашем распоряжении материала языка бесермян, а также данных типологии была поставлена цель (выявление факторов, определяющих выбор между падежным и послеложно-падежным выражением пространственных отношений). Была выдвинута система гипотез, в соответствии с которой были выбраны экспериментальные методики (о них речь пойдет ниже). Испытуемым ставилась задача, никак не связанная с истинной целью эксперимента, чтобы исключить возмущающие факторы. Наконец, в ходе всех типов эксперимента, кроме анкетного, проводилась тренировка. Пробная часть эксперимента помогает объяснить испытуемому его задачу, а также снять первичный стресс, связанный с новизной опыта эксперимента для испытуемых.

Перейдем к рассмотрению типов проведенного эксперимента.

3.1. Мультфильм

Задача эксперимента, моделирование. Данный тип эксперимента проводился с целью получения монологов на языке бесермян, по которым можно проверить гипотезы о влиянии факторов положения на иерархии одушевленности, семантического класса имени, степени активации референта и наличия эмфатического выделения. Для достижения этой цели был подобран отрывок из мультфильма «Петр и Петруша» (серия «Гора самоцветов», сценарист и режиссер Ю. Пронин, студия «Пилот», 2005 г.) длительностью около четырех минут. Сюжет отрывка следующий. Солдат марширует по лесу и видит человека, упавшего в болото. Солдат вытаскивает человека из болота, отряхивает, раздевает его, моет, стирает его одежду в реке и вешает на березу сушиться. Затем солдат разводит костер, около которого они греются. Отогревшись, солдат и его спутник идут по лесу дальше. Им встречаются разбойники, начинается драка. Солдат побеждает всех разбойников, вытаскивает своего спутника из кустов, в которые тот отлетел во время драки, кладет его на плечо и идет дальше. Вскоре темнеет, и герои понимают, что они заблудились. Солдат, забравшись на спину своего спутника, влезает на елку, откуда замечает домик. Затем солдат падает с елки на руки своему спутнику, и герои отправляются в сторону увиденного домика. Они выходят из леса, переходят через старый мостик и долго стучат в дверь домика. В конце концов, дверь открывается, и выходит Баба Яга с кошкой на спине. Баба Яга не пускает героев в избушку, но солдат отодвигает ее в сторону, и герои заходят внутрь. Баба Яга бросается к печке, загораживая ее от героев, но солдат опять отстраняет ее, отодвигает штору от печки и видит там много еды. Герои садятся за стол и начинают есть.

Как видно из сюжета, в выбранном нами отрывке мультфильма в качестве ориентиров выступают сущности, занимающие разное положение на иерархии одушевленности — от людей (солдат забирается по своему спутнику на ель) до артефактов (солдат отодвигает Бабу Ягу от печки). Кроме того, в том же качестве

выступают имена разных семантических классов: части тела (солдат падает с елки на руки своему спутнику), строения (Баба Яга выходит из дома), пространственные объекты разного рода (герои ходят по лесу, солдат залезает на елку, солдат идет с горки на горку), вещества (солдат стирает одежду своего спутника в воде), артефакты (с моста, через который переходят герои, падает дощечка, солдат видит еду в печке) и мн. др. Далее, в течение всего отрывка события происходят с главными героями, но периодически вводятся новые сущности (разбойники, домик). Наконец, в отрывке по существу нет никакого активного действия, за счет чего в фокусе внимания говорящего часто оказывается ориентир (солдат видит человека, упавшего в болото). Всё это позволяет утверждать, что факторы, выделенные нами в гипотезах 1—4, так или иначе представлены в выбранном нами отрывке мультфильма.

Методика эксперимента. Перед началом эксперимента испытуемым давалась следующая установка:

«Мы занимаемся изучением того, насколько хорошо бесермяне понимают устную речь носителей их языка, живущих в других деревнях. С этой целью у вас мы записываем рассказы о том, что происходит в отрывках мультфильмов. Затем мы поедем в другие бесермянские деревни. Там мы покажем эти отрывки, дадим послушать ваши описания, а потом попросим местных жителей определить, какое описание к какому отрывку относится. Отрывки похожи друг на друга, поэтому постарайтесь, пожалуйста, описывать мультфильмы как можно подробнее, чтобы жители других деревень могли ориентироваться по вашим рассказам».

В качестве тренировки предлагался 30-секундный отрывок из мультфильма «Злыдни» (серия «Гора самоцветов», режиссер-постановщик С. Коваль, сценарист А. Татарский, студия «Пилот», 2005 г.), в котором представлена повседневная жизнь крестьянской семьи: встает солнце; жена сажает кур на яйца; муж прилаживает к телеге колесо, стругает доски и пилит дрова; двое сыновей кормят быков сеном; муж чинит собачью будку, потом крышу дома; жена стирает белье, после чего уходит в лес за грибами.

Экспериментальный и тренировочный отрывки демонстрировались без звука, чтобы исключить влияние русского языка на порождение бесермянского дискурса. Отрывки демонстрировались три раза. Во время первого показа испытуемые знакомились с сюжетом, во время второго мы уточняли, всё ли было понятно испытуемым и все ли детали они разглядели. Параллельно с последним воспроизведением испытуемые описывали происходившие в мультфильме события. Первые два показа производились без остановки воспроизведения, в ходе последнего после каждого эпизода делались паузы, чтобы испытуемые успели породить связный рассказ.

Результаты эксперимента. В результате эксперимента с описанием фрагмента мультфильма было получено 10 монологов (по одному монологу от каждого испытуемого, кроме одной из молодых женщин 28 лет) общей длительностью около 50 минут.

3.2. Раскладывание карточек

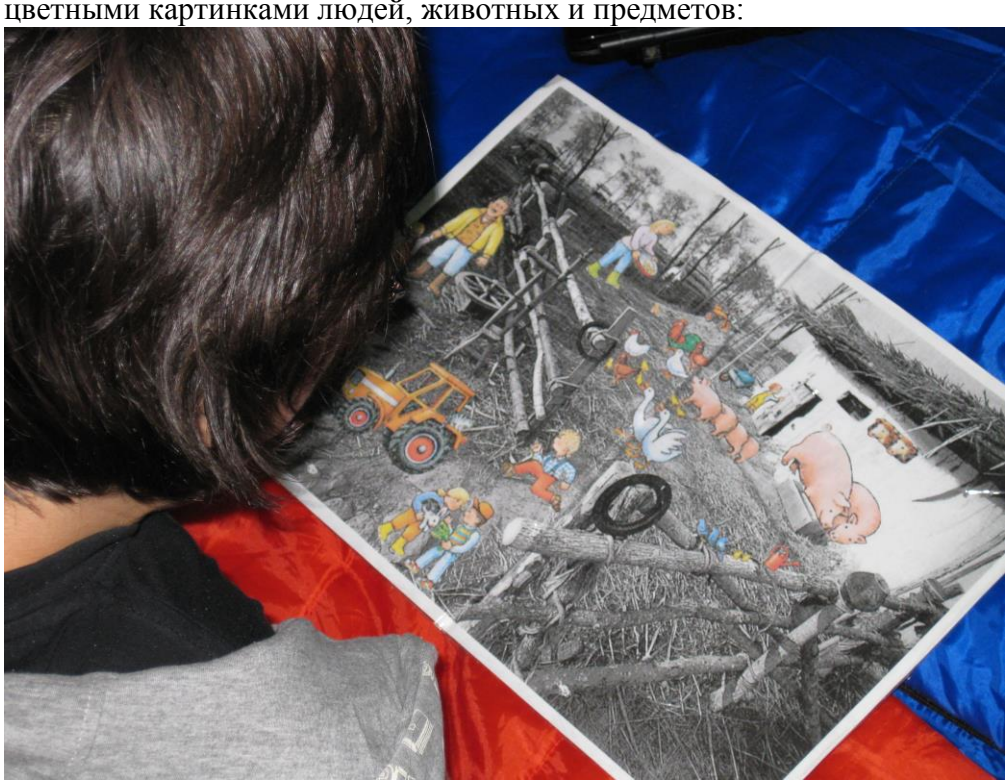
Задача эксперимента, моделирование. В ходе данного эксперимента ставилась задача проверки тех же гипотез, что и в эксперименте с описанием фрагмента мультфильма. Однако, в отличие от последнего, эксперимент с раскладыванием карточек был нацелен на получение не монологов, а диалогов[18]. С целью проверки Гипотез 1 и 2 были выбраны карточки и поле с изображениями сущностей, соответствующих разным позициям на иерархии одушевленности (людей, животных и неодушевленных предметов), а также принадлежащих к разным семантическим классам (поле, на котором испытуемым

[18] Собирая корпус текстов, мы стремились к его сбалансированности по параметру «монологическая vs диалогическая речь». В результате корпус включает 10 монологов общей длительностью около 50 минут и 9 диалогов общей длительностью около 1 часа 36 минут. Это было сделано для того, чтобы исключить возможное влияние возмущающего фактора типа дискурса.

предстояло размещать картинки, представляло собой изображение скотного двора с хозяйственными постройками и предметами быта — такими, как, например, корыто). Для обеспечения появления новых референтов (Гипотеза 4) часть карточек добавлялась нами на поле по ходу эксперимента. Была также предпринята попытка повысить вероятность наличия эмфатического выделения (Гипотеза 5) путем создания на поле нескольких прагматически неестественных ситуаций. Так, нами были помещены на изгородь два маленьких цыпленка, а около свиней была положена корзинка для грибов.

Методика эксперимента. Эксперимент с раскладыванием картинок проводился по так называемой методике референциальной коммуникации, которая была впервые применена для исследования языкового материала Р. Крауссом ([Krauss & Weinheimer 1966]) и впоследствии нашла широкое применение в экспериментах с детьми ([O'Neill 1996], [Pan & Snow 1999], [Girbau 2001]) и глухонемыми людьми ([Зайцева 1991]), при обучении иностранным языкам ([Yule 1997]), а также в экспериментах по исследованию явления синтаксического прайминга ([Юдина, Фёдорова 2009]). Эта методика[19] состоит в регистрации диалога между испытуемыми, которые общаются по телефону или через непрозрачный экран. Один из собеседников обладает некоторой информацией, которую он должен вербально передать другому собеседнику. Тот по ходу получения этой информации выполняет задание, состоящее либо в упорядочивании предметов, сложенных в кучу (такое задание давалось в ходе нашего эксперимента с раскладыванием карточек), либо в нахождении правильного пути в лабиринте (это задание выполнял один из участников нашего эксперимента с макетом местности).

Проведенные нами эксперименты представляют собой аналоги общения по телефону: испытуемые сидели спиной друг к другу в разных концах небольшого школьного класса, имея, таким образом, возможность слышать, но не видеть друг друга. Эксперимент с раскладыванием карточек проводился следующим образом. Испытуемому, начинающему диалог (в англоязычных работах для обозначения этой роли используется термин Director; в настоящей статье используется условное обозначение «ведущий»), предъявлялась черно-белая фотография скотного двора формата А3 с наклеенными на нее цветными картинками людей, животных и предметов:



[19] Обзор исследований, проведенных по методике референциальной коммуникации, а также изложении сути этой методики содержится в статье [Фёдорова 2008].

Рисунок 3. Поле «ведущего» в эксперименте с раскладыванием картинок

Картинки были взяты нами с обложки паззла «Скотный двор» для детей 3—4 лет, выпускаемого фирмой «Ravensburger’s Puzzle»:

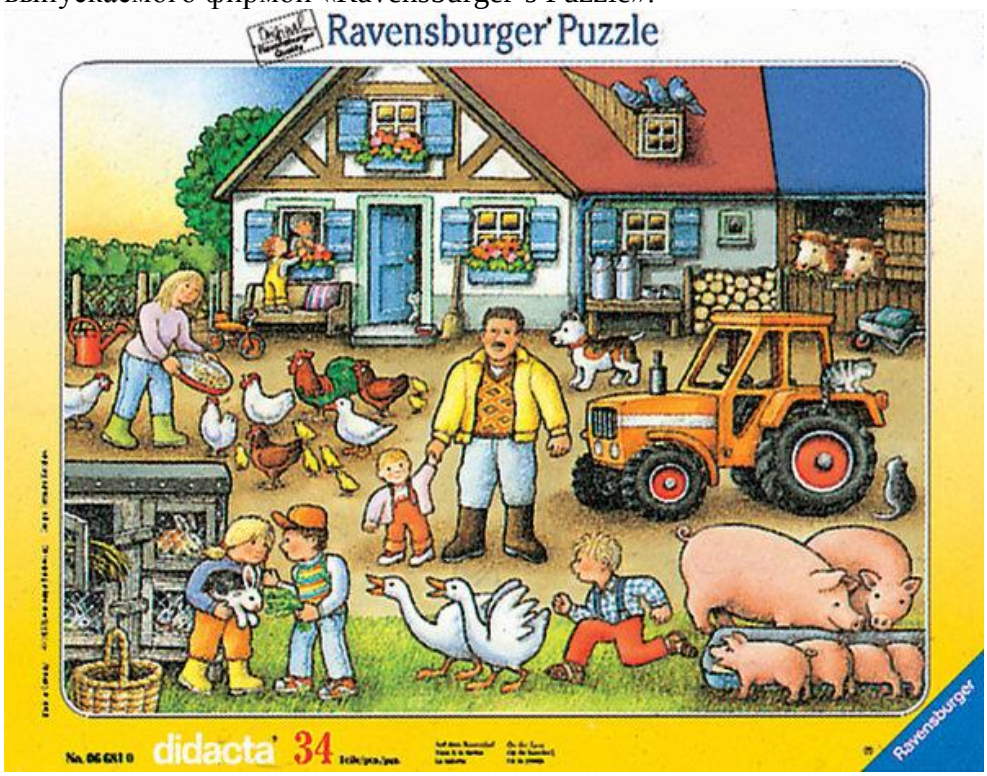


Рисунок 4. Обложка паззла, использованного в качестве источника картинок в ходе подготовки эксперимента с раскладыванием картинок

Другому испытуемому (в англоязычных работах его называют Matcher; мы используем условное обозначение «ведомый») отдельно выдавались набор тех же картинок и черно-белая фотография скотного двора формата А3:

Рисунок 5. Поле «ведомого» в эксперименте с раскладыванием картинок

Испытуемым говорилось, что цель эксперимента — изучение того, насколько эффективно общаются между собой люди, которые друг друга не видят. «Ведущему» давалась установка как можно понятнее и подробнее объяснить «ведомому» расположение картинок на фоне двора (отметим специально, что фотография скотного двора была сделана черно-белой, а картинки — цветными именно с целью разграничения фона и фигур). Перед «ведомым» ставилась задача постараться как можно точнее воспроизвести конфигурацию картинок, описываемую «ведущим». Как только «ведомому» оставалось расположить на поле одну картинку, экспериментатор начинал постепенно добавлять в разные места поля «ведущего» дополнительные картинки. Это делалось с целью проверки гипотезы о влиянии фактора эмфазы.

В ходе тренировочной части эксперимента использовалось поле с малым числом наклеенных картинок (картинки использовались те же, что и при проведении основного эксперимента).

Результаты эксперимента. В результате эксперимента этого типа было получено 6 диалогов общей длительностью около 1 часа 7 минут.

3.3. План местности

Задача эксперимента, моделирование. Эксперимент с планом местности моделировался с учетом Гипотез 1, 2, 4 и 5. Так, для представления в качестве ориентиров людей в ходе эксперимента производилось перемещение одних фигурок людей относительно других. Также на макете были представлены сущности различных типов: пространственные объекты (река, луг, дорога, лес), растения (деревья, трава, рожь, капуста), строения (дома, магазин, церковь) и др. С целью проверки гипотезы о влиянии фактора степени активации фигурки, перемещавшиеся нами по карте, периодически менялись; кроме того, фигурки передвигались по одним и тем же частям макета несколько раз. Наконец, сам характер эксперимента, предполагающего описание маршрута перемещения фигурок, «подталкивает» испытуемых к эмфатическому выделению локативных групп.

В отличие от эксперимента с раскладыванием карточек, имеющего более статический характер (в силу того, что «ведущему» выдается поле с уже приклеенными на него картинками) и нацеленного в основном на получение статических локативов, эксперимент с планом местности проводился с расчётом на получение форм с показателями динамических локативов.

Методика эксперимента. Данный эксперимент, как и предыдущий, проводился по методике референциальной коммуникации с той же начальной установкой. Однако на этот раз задание «ведущего» состояло в описании траектории движения трех фигурок (девочки, мальчика и бабушки) по «лабиринту», представлявшему собой план деревни Шамардан и ее окрестностей. План был сделан в виде трехмерного макета на поле формата А3 и имел следующий вид:

Рисунок 6. Макет и фигурки, изготовленные для проведения эксперимента с планом местности

«Ведомый» должен был, руководствуясь указаниями «ведущего», передвигать фигурки по своему макету местности, идентичному тому, который находился перед «ведущим».

Перед началом эксперимента проводилась тренировка, в ходе которой «ведущий» должен был описывать передвижение двух фигурок по небольшой траектории внутри макета, используемого при проведении основной части эксперимента.

Результаты эксперимента. В результате эксперимента с планом местности было получено 3 диалога общей длительностью около получаса.

3.4. Анкетирование

Для проверки гипотезы о влиянии референциального статуса именной группы на выбор падежных или послеложно-падежных форм при выражении пространственных отношений была составлена анкета по следующей схеме:

		референциальный статус именной группы			
		статус 1	статус 2	…	статус k
лексема, принадлежащая к семантическому классу m	локативный падеж 1				
	локативный падеж 2				
	…				
	локативный падеж n				

Таблица 4. Структура анкеты, составленной для проверки гипотезы о влиянии

В анкету были включены лексемы, принадлежащие к восьми семантическим классам, выделенным на основе сочетаемости входящих в них слов с показателями локативных падежей и послеложными основами разных типов: растения (*береза*), вместилища (*чашка*), строения (*дом, магазин*), однородная среда (*грязь, вода*), населенные пункты (*Ежево*), поверхности (*дорога*), сложные пространственные объекты (*река, гора*). В набор локативных падежей вошли все пространственные падежи бесермянского наречия (кроме личного латива, дистрибуция которого ограничена семантическим классом людей) — а именно, локатив, элатив, иллатив, эгрессив, аппроксиматив, терминатив, пролатив. Набор референциальных статусов, как уже упоминалось выше, был взят из книги [Падучева 1985]. Он содержит все статусы именной группы в субстантивном употреблении: референтный определенный, референтный слабоопределенный, референтный неопределенный, собственно неопределенный, дистрибутивный, универсальный и родовой.

Предложения из анкеты, составленные на русском языке, были предложены трем информантам с просьбой перевести их на язык бесермян.

4. Итоги эксперимента

Ниже излагаются итоги эксперимента по отношению к каждой из начальных гипотез.

4.1. Гипотеза 1

Результаты эксперимента показали, что положение имени в иерархии одушевленности влияют не на выбор между падежной и послеложно-падежной формами, а на наличие самой возможности такого выбора. Дело в том, что одушевленные существительные плохо сочетаются с показателями локативных падежей, а обозначения людей, личные имена и термины родства демонстрируют несколько другую парадигму, в которую вместо иллатива входит личный латив. Таким образом, положение имени в иерархии одушевленности является важным для выражения пространственных отношений, но не в рамках той проблемы, которая исследуется в данной статье. В связи с этим можно заключить, что в рамках нашего эксперимента Гипотеза 1 подтверждения не нашла.

4.2. Гипотеза 2

Согласно результатам эксперимента, семантический класс имени, как и положение имени на иерархии одушевленности, предопределяет возможность наличия синонимии падежных и послеложно-падежных форм. Как видно из Таблицы 2, синонимия проявляется в том случае, если ориентир входит в один из трех семантических классов – однородная среда, полость или сплошная среда. Однако непосредственно на выбор между альтернативами принадлежность имени к семантическому классу не влияет. Итак, Гипотеза 2 также не подтвердилась.

4.3. Гипотеза 3

Результаты анкетирования представлены в Таблице 5 (полужирным выделены основы послелогов):

Лексемы	**Референциальный статус именной группы**					
	референтный определенный	**референтный слабоопред.**	**референтный неопред.**	**дистриб.**	**универс.**	**родовой**
č’aša/č’aška ‘чашка’	Ill, Loc, Prol, Term	Ill, Loc, Prol	Ill	El, Ill	El, Ill	El
ježgurt ‘Ежево’	Loc, El, Ill, Prol, Approx, **pər**	----------				

kəš’pu ‘береза’	Loc, Ill, Prol	El, Loc, Prol	Loc	Loc, Ill, Prol, El	----------	Loc, Ill, Prol
vu ‘вода’	Loc, Ill	----------	----------	----------	----------	Loc, Ill, Prol
gurež’ ‘холм, гора’	Ill, Prol, Egr, Term	El, Ill, Prol, Loc	Loc	Ill, Prol	El, Ill, Prol, Term	Prol
t’apon’ ‘жидкая грязь’	Loc, El, Prol, **pəl-** + Prol	----------	Loc, Prol **pəl-** + Prol	----------	Ill, El	Prol, **pəl-** + Prol
nəd ‘густая грязь’	Ill, **pəl-** + Ill, **pəl-** + Prol, **pəl-** + El	----------	**pəl-** + Loc, **pəl-** + Prol, **pəl-** + El	----------	Ill, Prol, **pəl-** + Prol, **pəl-** + El	**pəl-** + Prol
korka ‘дом’	Loc, El, Prol	Loc, El, Prol	Loc, El	Loc, El, Prol	El, Ill, Prol	Loc

Таблица 5. Результаты анкетирования

Как видно из Таблицы 5, никакой корреляции между референциальным статусом именной группы и выбором падежной или послеложно-падежной формы не прослеживается. Таким образом, Гипотезу 3 мы тоже вынуждены отвергнуть.

4.4. Гипотеза 4

В Таблице 6 для имен, которые в собранных нами текстах в одних и тех же контекстах продемонстрировали и падежное, и послеложно-падежное маркирование пространственных отношений, приводится количество употреблений при разных степенях активации соответствующих референтов:

Лексемы	**Падеж/послелог**	**Степень активации**		
		данное	**доступное**	**новое**
č’ašja ‘лес’	падеж	17	24	10
	послелог	6	5	2
vu ‘вода’	падеж	8	4	10
	послелог	3	0	1
korka ‘дом’	падеж	20	20	7
	послелог	1	0	0
azbar ‘двор’	падеж	1	10	4
	послелог	0	2	0
nəd ‘густая грязь’	падеж	0	0	1
	послелог	2	0	1

Таблица 6. Результаты обработки текстовых данных с целью проверки гипотезы

Связи между степенью активации и употреблением падежа или послелога мы также не усматриваем. Таким образом, Гипотеза 4 также не подтвердилась экспериментально.

4.5. Гипотеза 5

Таблица 7 содержит статистику употребления имен из Таблицы 6 в контекстах с эмфатическим выделением и без него (цифры абсолютные; в столбце с названием «непонятно» указывается количество случаев, для которых мы не смогли с уверенностью определить наличие или отсутствие эмфатического выделения):

Лексемы	**Падеж/послелог**	**Эмфатическое выделение**		
		есть	**нет**	**непонятно**
č’ašja ‘лес’	падеж	24	23	1
	послелог	11	0	3
vu ‘вода’	падеж	6	14	1
	послелог	3	0	1
korka ‘дом’	падеж	33	1	3
	послелог	1	0	0
azbar ‘двор’	падеж	8	5	2
	послелог	2	0	0
nəd ‘густая грязь’	падеж	0	1	0
	послелог	3	0	0

Таблица 7. Результаты обработки текстовых данных с целью проверки гипотезы о влиянии фактора эмфатического выделения на выбор падежа или послелога

Из Таблицы 7 видно, что в полученном нами корпусе не встретились употребления рассматриваемых нами послелогов в контекстах без эмфатического выделения (соответствующие клетки выделены в Таблице 7 серым цветом). Можно сделать вывод, что в дискурсе бесермян существует тенденция в контекстах сильного эмфатического выделения (ср. пример (27) выше) употреблять послелог. Однако, как показывают данные в Таблице 7, взаимно-однозначного соответствия между контекстами с эмфатическим выделением и контекстами, в которых вместо падежных форм употребляются послеложно-падежные, не прослеживается.

Таким образом, Гипотеза 5 — единственная из начальных гипотез, нашедшая подтверждение в результате экспериментального исследования.

Изложив методику и результаты эксперимента, мы кратко остановимся на достоинствах избранной методики для нашей задачи, а затем подведем итоги.

5. Мотивировка выбора экспериментальной методики

Изучение языковой концептуализации пространства в последние годы ведется чрезвычайно активно. Пространство рассматривается с точки зрения внутригенетической ([Kracht 2002], [Kracht 2005]), общей ([Creissels 2006], [Creissels 2008]) и семантической ([Levinson et al. 2003], [Levinson & Wilkins 2006]) типологии, а также психолингвистики ([Indefrey & Levelt 2004], [Argus 2009]). Проводятся исследования по выявлению новых локализаций, претендующих на включение в универсальный грамматический набор ([Ганенков 2005], [Мазурова 2007]), а также по типологии непространственных значений локативных падежей ([Ганенков 2002]), на основании которых даже делается попытка построения дерева языкового родства ([Cysouw, Forker 2009]). В Институте эволюционной антропологии им. Макса Планка (г. Лейпциг, Германия) с 2004 по 2008 гг. были начаты четыре проекта по изучению пространства, ориентированных на сбор материала в полевых условиях ([Brown et al. 2004], [Bohnemeyer et al. 2004], [Senft 2004], [Bowerman et al. 2004]). В большинстве этих исследований используются либо картинки, на которых с помощью стрелочек или других подобных средств фигура отделяется от фона, либо

короткие видеоролики с сюжетом типа «девушка кладет книги на стол». Задача испытуемого состоит в описании картинки или сюжета ролика.

С нашей точки зрения, использование картинок и видеороликов превосходит анкетный метод, поскольку, в отличие от последнего, позволяет избежать влияния языка, на котором составлены анкетные предложения, на исследуемый идиом. Однако для проверки наших начальных гипотез о влиянии факторов степени активации и эмфатического выделения необходимо получение связных текстов, причем как монологов, так и диалогов. Использование картинок и видеороликов, в отличие от методики референциальной коммуникации, достичь этого не позволяют.

В некоторых работах описано использование методики референциальной коммуникации в экспериментах, связанных с языковым выражением пространственных значений. Примерами таких работ могут служить статьи [Зайцева 1991] и [Pederson et al. 1998]. Целью эксперимента, проведенного Г. Л. Зайцевой, было изучение выражения пространственных отношений в русском жестовом языке (испытуемыми были глухие школьники). Перед «ведущим» и «ведомым», разделенными экраном, помещались макеты комнаты с игрушечной мебелью, которая на макете «ведущего» стояла в определенном порядке, а на макете «ведомого» была свалена в кучу. «Ведомый», руководствуясь указаниями «ведущего», должен был расставить мебель. Авторы статьи [Pederson et al. 1998], изучавшие лингвистическую и концептуальную универсальность категорий сторон света, а также категорий «лево/право», проводили эксперименты с носителями тринадцати языков, принадлежащих к десяти языковым семьям. В ходе этих экспериментов перед каждым из двух испытуемых, разделенных экраном, в случайном порядке раскладывался набор из двенадцати картинок. На картинках были изображены несколько типов предметов, по-разному расположенных друг относительно друга. «Ведущий» должен был выбрать одну из картинок и описать то, что на ней изображено. «Ведомый», руководствуясь этими указаниями, должен был найти такую картинку в своем наборе. Как видно, этот эксперимент очень похож на проведенный нами эксперимент с раскладыванием картинок.

В завершение остановимся на условном характере стимулов в нашем эксперименте. Как можно заключить на основании Раздела 4, в ходе всех типов эксперимента, кроме анкетирования, использовались материалы, изначально рассчитанные на детей – детский мультфильм, картинки из детского паззла и макет местности, на котором рожь и трава практически совпадают высотой с домами. Это было сделано специально. Дело в том, что в ходе предыдущей работы с бесермянами было замечено, что рисунки они воспринимают гораздо лучше, чем фотографии. Так, например, опознать на фотографии растение, принесенное ими же за день до этого, смогли лишь немногие информанты, в то время как работа с рисунками велась весьма успешно. В связи с этим у нас возникли опасения, что использование специально снятого видео или фотографий реальных предметов могло вызвать проблемы, и было принято решение о выборе условных стимулов.

В ходе эксперимента неожиданно обнаружилось, что необходимое условие его успешного проведения, помимо достаточной степени условности стимулов, состоит в их привычности. Дело в том, что у информантов возникли огромные проблемы с описанием начала тренировочного отрывка мультфильма. Кадр, вызвавший затруднения с интерпретацией, выглядит следующим образом:

Рисунок 7. Кадр из тренировочного отрывка мультфильма,

вызвавший затруднения у испытуемых

Тот факт, что около дома растет кукуруза, вызвал вопросы типа «А зачем она там растет?». Но если с таким нарушением привычной картины мира часть информантов еще готова была смириться, то идентификация здания, расположенного на кадре справа, вызвала непреодолимые трудности, поскольку его дверь двигается в горизонтальной, а не в вертикальной плоскости. На этом основании испытуемые не только отказывались от попыток найти названия для здания, но и отвергали предлагавшиеся нами интерпретации («Да какой же это хлев? Нет, это не хлев»). Затруднения оказались настолько сильны, что большинство испытуемых даже оказались неспособны описать вызвавший их эпизод. Однако отрывок мультфильма, представляющий собой основную часть эксперимента, никаких проблем не вызвал. Напротив, испытуемые додумывали детали сюжета («Солдат Ваня служил в армии двадцать пять лет»), имена персонажей и диалоги между ними (ср. отрывок из описания мультфильма в Приложении).

Необходимость найти интерпретацию, вписывающуюся в картину мира, ярко проявилась и в экспериментах, проведенных по методике референциальной коммуникации. Эти эксперименты показали, что испытуемые зачастую не переходят к следующему ориентиру до тех пор, пока такая интерпретация не найдена. Ср. отрывок диалога между двумя участниками эксперимента с раскладыванием картинок:

(31) Инф. 1: ulč’a-jən traktor... traktor-en ataj-en-əz v’isk-ən petuh səl-e.
улица-LOC трактор трактор-INSTR отец-INSTR-З между.OBL-LOC петух стоять-ЗSG:PRT
На улице между папой и трактором петух стоит.

Инф. 2: a malə ot-ən? malə?
а почему тот-LOC почему
А почему там? Почему?

Инф. 1: pote-mən vol’noj.
выйти-RES вольный
Вышедший на волю (букв.: вольный).

Инф. 2: a səre so ug a ma?
а потом тот NEG1-1 Q PTCL
А потом он не [придёт ли сам?]

Инф. 1: možet so-os petuh-s-e-z kureg-jos dor-e tatč’e ul’l’a-nə med-o.
может тот-PL петух-З-ACC-PL курица-PL около-ILL сюда гнать-INF собираться-ЗPL:PRT
Может, они петуха к курицам сюда выгонять хотят (загонять к курам, которые внутри ограды).

Инф. 2: moga.
ждать
Подожди.

so otč’-ə ken’a... traktor dor-e kol’-em? ben a?
тот там-ILL забо[р] трактор около-ILL остаться-PF да Q
Он туда... [у] изгоро[ди] за трактором остался? Правда?

Инф. 1: nu so
ну тот
Ну он

Инф. 2: ul’č’a-jən?
улица-LOC
На улице?

Инф. 1: ul... ul’č’a-jən, tin’ lokt-e at-ez pi-jen-əz
улица-LOC вот прийти-3SG:PRS отец-3 сын-INSTR-3
На улице, сейчас придет папа с сыном,

Инф. 2: aha... i ot-ən...
ага и тот-LOC
Ага, и там...

Инф. 1: š’as kureg-z-e ul’l’al-o-z-ə əb’es-ti pərt-o-z-ə.
сейчас курица-3-ACC гнать-FUT-3-PL ворота-PROL завести-FUT-3-PL
Сейчас курицу [имеется в виду петух — *О.Б., М.У.*] *погонят, через ворота из жердей загонят.*

Инф. 2: ben a? ladno, ladno, ul’l’al-o-z.
да Q ладно ладно гнать-FUT-3
Так ли? Ладно, ладно, выгонит.

Вопрос о том, является ли необходимость естественности стимульного материала для порождения речи чертой только наших испытуемых, или это универсальное свойство, остается открытым. Соответствующее исследование было бы, на наш взгляд, чрезвычайно полезно не только для психологии, но и для психолингвистики.

6. Выводы и дальнейшие направления исследования

В настоящей статье ставится вопрос о том, какие факторы влияют на выбор между падежными и послеложно-падежными формами в одних и тех же контекстах в языке бесермян. Для определения объекта исследования и объяснения, почему одни послелоги могут входить в такие контексты, а другие нет, используется морфосинтаксический формализм, предложенный Э. Эшбери для венгерского языка. Выдвигается пять начальных гипотез, излагаются методика и результаты психолингвистического эксперимента (как содержательные, так и методические), проведенного с целью проверки этих гипотез. Основной результат, достигнутый в работе, состоит в выявлении значимости фактора эмфатического выделения: послеложно-падежные формы употребляются в тех случаях, когда такое выделение имеет место.

В качестве возможных направлений дальнейших исследований отметим следующие. Во-первых, перспективным представляется проведение подобного эксперимента на материале других языков с целью как оттачивания методики, так и выявления роли дискурсивных факторов в организации системы средств выражения пространственных отношений в целом. Во-вторых, в силу того, что в полученных нами текстах и переводных предложениях число групп с послелогом *pər-* ‘сквозь’ чрезвычайно мало, целесообразно

моделирование и проведение отдельного эксперимента, направленного на выяснение структуры зоны пролатива в языке бесермян. Наконец, формализм, предложенный Э. Эшбери, может быть применен для описания ряда явлений других языков – например, case stacking.

Литература

[Argus 2009] — Argus, R. The Early Development of Case and Number in Estonian // *Stephany, U., & Voeikova, M. D. (eds.). Development of Nominal Inflection in First Language Acquisition. A Cross-Linguistic Perspective*. Berlin, 2009. Pp. 111—152.

[Ashbury 2008] — Ashbury, A. The Morphosyntax of Case and Adpositions. PhD dissertation. Utrecht, 2008.

[Bohnemeyer et al. 2004] — Bohnemeyer, J, Burenhult, N., Enfield, N. J., & Levinson, S. C. 2004. Landscape Terms and Place Names Elicitation Guide // *Majid, A. (ed.), Field Manual* V. 9. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics, 2004. Pp. 75—79.

[Bowerman et al. 2004] — Bowerman, M., Gullberg, M., Majid, A., & Narasimhan, B. Put Project: the Cross-linguistic Encoding of Placement Events // *Majid, A. (ed.), Field Manual* V. 9. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics, 2004. Pp. 10—24.

[Brown et al. 2004] — Brown, P., Levinson, S. C., & Senft, G. 2004. Initial References to Persons and Places // *Majid, A. (ed.), Field Manual* V. 9. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics, 2004. Pp. 37—44.

[Creissels 2006] — Creissels, D. Encoding the Distinction between Location, Source, and Destination: A Typological Study // *Hickmann, M., Robert, S. (eds.). Space in Languages: Linguistic Systems and Cognitive Categories*. Amsterdam & Philadelphia, 2006. Pp. 19—28.

[Creissels 2008] — Creissels, D. Spatial Cases // *Malchukov, A., & Spencer, A. (eds). The Oxford Handbook for Case*. Oxford, 2008. Pp. 609—625.

[Cysouw, Forker 2009] — Cysouw, M., & Forker, D. Reconstruction of Morphosyntactic Function: Nonspatial Usage of Spatial Case Marking in Tsezic // *Language* 85(3), 2009. Pp. 588—617.

[Girbau 2001] — Girbau, D. Children's Referential Communication Failure: The Ambiguity and Abbreviation Message // *Journal of Language and Social-Psychology*. Vol 20 (1—2). 2001. Pp. 81—89.

[Indefrey & Levelt 2004] — Indefrey, P. Levelt, W. The Spatial and Temporal Signatures of Word Production Components // *Cognition 92*. 2004. P. 101—104.

[Kracht 2002] — Kracht, M. On the Semantics of Locatives // *Linguistics and Philosophy 25*. 2002. Pp. 157—232.

[Kracht 2005] — Kracht, M. The Semantics of Locatives in the Uralic Languages // *Fernandez-Vest, J. (ed.), Les langues ouraliennes aujourd'hui: approche linguistique et cognitive*. Paris, 2005. Pp. 145—158.

[Krauss & Weinheimer 1966] — Krauss, R. M., & Weinheimer, S. (1966). Concurrent Feedback, Confirmation and the Encoding of Referents in Verbal Communication // *Journal of Personality and Social Psychology*. V. 4. Pp. 343—346.

[Lehmann 2005] — Lehmann, Ch. Participant Roles, Thematic Roles and Syntactic Functions // *Tsunoda, T., & Kageyama, T. (eds.). Voice and Grammatical Relations. Festschrift for Masayoshi Shibatani*. Amsterdam & Philadelphia, 2005.

[Levinson & Wilkins 2006] — Levinson, S. C., Wilkins, D. P. (eds.) Grammars of Space: Explorations in Cognitive Diversity. Cambridge, 2006.

[Levinson et al. 2003] — Spatial Topological Domain. Adpositional Meanings in Crosslinguistic Perspective: An Exercise in Semantic Typology // *Language 79*. 2003. Pp. 45—516.

[O'Neill 1996] — O'Neill, D. K. Two-year-old Children's Sensitivity to a Parent's Knowledge State When Making Requests // *Child Development*. V. 6. 1996. Pp. 659—677.

[Pan & Snow 1999] — Pan, B. A., Snow, C. E. The Development of Conversational and Discourse Skills // *Barrett, M. The Development of Language*. London, 1999. Pp. 229—250.
[Pederson et al. 1999] — Pederson, E., Danziger, E., Wilkins, D., Levinson, S., Kita, S., Senft, G. Semantic Typology and Spatial Conseptualization // *Language*. № 74. 1998. Pp. 557—589.
[Senft 2004] — Senft, G. 2004. Participation and Posture // *Majid, A. (ed.), Field Manual*. V. 9. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics, 2004. Pp. 80—82.
[Svenonius 2006] — Svenonius, P. The Emergence of Axial Parts // *Svenonius, P. (ed.) Nordlyd: Tromsø Working Papers in Linguistics*, 33.1, Special Issue on Adpositions. Tromsø, 2006. Pp. 50—77.
[Yule 1997] — Yule, G. Referential Communication Tasks. Mahwah, NJ, 1997.
[Zwicky 1999] — Zwicky, A. Jotting on Adpositions, Case Inflections, Government, and Agreement // *Brentari, D., Larson, G., & MacLeod, L. (eds.). The Joy of Grammar: A Festschrift for James D. McCawley*. Amsterdam, 1992. Pp. 369—383.
[Бирюк 2005] — Бирюк, О. Л. Морфосинтаксические критерии выделения послелогов. Дипломная работа. М., 2005.
[Ганенков 2002] — Ганенков, Д. С. Модели полисемии пространственных показателей. Дипломная работа. М., 2002.
[Ганенков 2005] — Ганенков, Д. С. Контактные локализации в нахско-дагестанских языках и их типологические параллели. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2005.
[ГСУЯ 1962] — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.
[Зайцева 1991] — Зайцева, Г. Л. Дактилология. Жестовая речь. М., 1991.
[Кельмаков 1998] — Кельмаков, В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии. Ижевск, 1998.
[Кибрик 1970] — Кибрик, А. Е. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // *Язык и человек*. М.: Изд-во МГУ, 1970. С. 110—156
[Кондратьева 2010] — Кондратьева, Н. В. Выражение пространственных отношений в современном удмуртском языке // *Урало-алтайские исследования*. № 1(2). М., 2010. С. 5—16.
[Леонтьев 2005] — Леонтьев, А. П. Именная группа в бесермянском языке / диалекте. Экспедиционный отчет. М., 2005.
[Леонтьева 2005] — Леонтьева, А. Л. Конкуренция форм единственного vs множественного числа в количественной именной группе (на материале бесермянского языка) // *Вторая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей: материалы*. С-Пб, 2005. С. 99—102.
[Мазурова 2007] — Мазурова, Ю. В. Типология средств выражения пространственной локализации (вертикальная ось). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2007.
[Мельчук 1998] — Мельчук, И.А. Курс общей морфологии. Том II. Ч.2. Вена, 1998. С. 47—60, 324—350.
[Падучева 1985] — Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
[Строева 2008] — Строева, М. Н. Семантика локативных падежей в уральских языках. Дипломная работа. М., 2008.
[Тепляшина 1970] — Тепляшина, Т. А. Язык бесермян. М., 1970.
[Толдова, Сердобольская 2002] — Толдова, С. Ю., Сердобольская, Н. В. Некоторые особенности оформления прямого дополнения в марийском языке //

Лингвистический беспредел. Сборник статей к 70-летию А. И. Кузнецовой. М., 2002. С. 106—124.

[Федорова 2004] — Федорова, О. В. Основы экспериментальной психолингвистики: принципы организации эксперимента. Учебное пособие для студентов 3 курса отделения теоретической и прикладной лингвистики. М., 2004.

[Федорова 2008] — Федорова, О. В. Методика регистрации движений глаз «визуальный мир»: шанс для сближения психолингвистических традиций // *Вопросы языкознания*. Вып. 6. М., 2008. С. 98—120.

[Фильченко 2006] — Фильченко, А. Ю. Функционально-прагматический аспект падежного оформления аргументов предложения в восточно-хантыйском // *Вестник ТГПУ*. Вып. 4(55). Томск, 2006. С. 140—147.

[Шматова 2010] — Шматова, М. С. Особенности употребления показателя множественного числа существительных в пермских языках. Дипломная работа. М., 2010.

[Юдина, Федорова 2009] — Юдина, М. В., Федорова, О. В. Разрешение синтаксической неоднозначности: эффекты прайминга и самопрайминга // *Материалы конференции «Диалог»*. М., 2009 (http://www.dialog-21.ru/dialog2009/materials/html/86.htm).

7. Приложение

7.1. Отрывок из описания мультфильма

(1) so-os aʒ’ʒ’-i-z-ə zək-zək kəz, i otč’-ə pe
тот-PL видеть-PRT-3-PL большой-большой ёлка и там-ILL QUOT

təba-sa aʒ’ʒ’-ənə krugom.
подниматься-COND посмотреть-INF кругом

Они увидели большую ёлку и залезли туда, чтобы посмотреть кругом.

(2) soldat məkərtč’ik-ənə kos-i-z, ondrej-lə, ondrej məkərtč’ik-i-z
солдат нагнуться-INF велеть-PRT-3 Андрей-DAT Андрей нагнуться-PRT-3

i so so vəl-ti ʒuč’ikə-sa təb-i-z kəz-e.
и тот тот поверхность-PROL подняться-CONV подняться-PRT-3 ёлка-ILL

Солдат велел нагнуться, Андрею, Андрей нагнулся, и он, по нему залезя, поднялся на ёлку.

(3) o-lan’ no ta-lan’ no nalč’ik-e, i aʒ’ʒ’-i-z təl
тот-APPROX тоже этот-APPROX тоже посмотреть-3SG:PRS и видеть-PRT-3 огонь

ʒua, pič’i-ges korka kəd’ə-kə-n aʒ’ʒ’iš’k-e.
гореть.3.PRS маленький-COMPAR дом далеко-COND-LOC виднеться-3SG:PRS

В одну сторону посмотрел, в другую, видит – огонь горит, и далеко маленький домик виднеется.

(4) i so-os... i so waš’k-i-z kəz jəl-əš’, i wan’a jua
и тот-PL и тот спускаться-PRT-3 ёлка верх-EL и Ваня спрашивать.3.PRS

kətč’-e kud-lan’ mən-iš’ko-m, mare aʒ’ʒ’-i-d ton?
где-ILL где-APPROX идти-PRS-1PL что.ACC увидеть-PRT-2 ты

И они... И он слез с ёлки, и Ваня спрашивает, куда, в какую сторону пойдём, что увидел (ты)?

(5) ajda, mən-i-m, mon š’as vož’mat-o, mən-o-m.
айда идти-PRT-1PL я сейчас показать-FUT идти-FUT-1PL

Айда, пойдём, я сейчас покажу, пойдём.

(6) so-os wač’e ki kuč’ik-əsa mən-i-z-ə až’-lan’, i
тот-PL вместе рука начать-CONV идти-PRT-3-PL перед-APPROX и

vu-i-z-ə vəž vəl-ti pot-i-z-ə, i aʒ’ʒ’-i-z-ə
дойти-PRT-3-PL мост поверхнсть-PROL перейти-PRT-3-PL и увидеть-PRT-3-PL

korka, ot-ən pič’i-ges korka səl-e juwo jəl-ən,
дом тот-LOC маленький-COMPAR дом стоять-3SG:PRS столб верх-LOC

so ərod n’i, vuš korka vəl-em, i pər-əno otč’-ə,
тот некрасивый уже старый дом быть-RES и зайти-DEB тот-ILL

kot-ən-ke-no so-os-lə kelo-no i so-os pər-i-z-ə,
где-LOC-COND-не тот-PL-DAT переночевать-DEB и тот-PL пойти-PRT-3-PL

pər-ənə kuč’ik-i-z-ə otč’-ə, korka-ez pətsa-mən.
пойти-INF начать-PRT-3-PL тот-ILL дом-P.3 закрыт-RES

Они, вместе взявшись за руки, пошли вперёд, и перешли по мосту, и увидели дом, маленький дом на столбе, некрасивый дом, старый дом, оказалось, и нужно было пойти туда, им где-то нужно было переночевать, и они пошли, начали идти туда – дом закрыт.

(7) soldat jog-jog kar-i-z, es-a-z, es-ez uč’k-i-z, i
солдат тук-тук делать-PRT-3 дверь-ILL-P.3 дверь-P.3 открыться-PRT-3 и

otəš’ pot-i-z pereš’ abi.
тот-EL выйти-PRT-3 старый бабка

Солдат постучал в дверь, дверь открылась и оттуда вышла старая бабка.

(8) kəškemət so-len əmnər-ez val, so vəl-em č’ašja vedun.
страшный тот-GEN1 лицо-P.3 быть.PRT тот быть-NZR лес ведьма

У неё было страшное лицо, она была лесная ведьма.

(9) otč’-e so... so-os səre veral-o mil’am pe kot-ən-ke
тот-ILL тот тот-PL потом говорить-3PL:PRS мы.GEN1 QUOT где-LOC-COND

kelo-no val, u-d a pe lež’a?
ночевать-DEB быть.PRT NEG1-2 Q QUOT пустить

Они туда, потом говорят: нам надо переночевать, не пустишь ли?

(10) ben, pər-e a mar a pe, so-os... soldat van’a-en pər-i-z-ə.
да заходить-2PL Q что Q QUOT тот-PL солдат Ваня-INSTR зайти-PRT-3-PL

Да, заходите, что ли, говорит, они, солдат с Ваней, зашли.

(11) ondrej-en soldat-en otč’-ə pər-i-z-ə, korka-a-z.
Андрей-INSTR солдат-INSTR тот-ILL войти-PRT-3-PL дом-ILL-P.3

Солдат с Андреем туда вошли, в дом.

(12) pər-i-z-ə, krugom nal’č’ik-i-z-ə, no-mare-no okt-emən
войти-PRT-3-PL кругом посмотреть-PRT-3-PL не-что.ACC-не собрать-RES

kəlt-emən evəl, vič’ak č’on’ari votset-jos.
убирать-RES нет везде паук тенёта-PL

Вошли, кругом осмотрелись, ничего не убрано, везде паутина.

(13) so bere so-os so abi-ləš’ jua-z-ə mil’am pe
тот после тот-PL тот бабка-GEN2 спрашивать.PRT-3-PL мы.DAT QUOT

juon kul-e val, səre ket-m-ə no š’uma
питье быть.нужным-3SG:PRS быть.PRT потом живот-1-PL тоже сводить.3.PRS

n’i evəl a pe tənad?
уже нет Q QUOT ты.GEN1

После этого они у той бабки спрашивают: нам бы питья надо было бы, потом живот уже сводит [от голода], нет ли у тебя [чего]?

(14) juon so-os-lə so š’ot-i-z, š’ijon-e pe mənam evəl
питьё тот-PL-DAT тот дать-PRT-3, еда-1 QUOT я.GEN1 нет

no-mare-no.
не-что.ACC-не

Пить она им дала, а еды, мол, у меня нет ничего.

(15) až’-iz gur š’er-a-z kariš’k-i-z.
REFL-3 печка сзади-ILL-P.3 делаться-PRT-3

А сама за печку спряталась (букв.: сделалась).

(16) soldat kema no e-z malpa, gur dor-a-z mən-i-z no,
солдат долго тоже NEG2-3 думать печка около-ILL-3 идти-PRT-3 тоже

uš’t-i-z gur-z-ə, aʒ’ʒ’-e ot-ən š’ion-juon wan’.
открыть-PRT-3 печь-3-ACC видеть-3SG:PRS тот-LOC еда-питьё есть

Солдат, не долго думая, подошёл к печи, открыл печь, видит – еда-питьё есть.

(17) abi-ləš’ jua-tek mar pott-i-z š’ion-juon-z-ə, i so-os
бабка-GEN2 спрашивать-CAR что взять-PRT-3 еда-питьё-3-ACC и тот-PL

č’oš pukš’-i-z-ə ʒ’ek š’er-e, i š’iš’k-ənə kuč’k-i-z-ə,
вместе сесть-PRT-3-PL стол сзади-ILL и есть-INF начать-PRT-3-PL

š’ij-i-z-ə ju-i-z-ə, so bere vəldə už’a-nə vəd-i-z-ə
есть-PRT-3-PL пить-PRT-3-PL тот после наверное спать-INF лечь-PRT-3-PL

n’i.
уже

Не спросив ничего у бабки, взял еду-питьё, и они вместе сели за стол, начали есть, поели-попили, после этого, наверное, легли спать уже.

7.2. Отрывок диалога (эксперимент с раскладыванием карточек)

Инф 1: sob'ere, marəm eto... pič'i parš'pi-jos van' ot-ən.
потом что это маленький поросёнок-PL быть тот-LOC
Потом, это самое, маленькие поросята есть там.

Инф 2: ben.
да
Да.

Инф 1: pič'i parš'pi-jos so-os səl-o... sit'an-en-əz ik
маленький поросёнок-PL тот-PL стоять-3PL:PRS задница-INSTR-P.3 же
ber-lan' so zək pars-jos-lə tuš'-lə.
зад-APPROX тот большой свинья-PL-DAT корыто-DAT
Маленькие поросята, они стоят задницей же, задом к этим большим свиньям, к корыту.

Инф 2: aha.
Ага.

Инф 1: marəm eto, tin' sə... so azbar šor-ən-gez a, mar a
что это вот тот тот двор середина-LOC-COMP Q что Q
so-os.
тот-PL
Это самое, вот это ... в центре двора, что ли, они.

Инф 2: a tuš' dor-əš' so kəd'ək-ən a?
а корыто около-EL тот далеко-LOC Q
А от корыта он далеко?

Инф 1: evəl.
не.есть
Нет.

Инф 2: mat-ən ben a so?
рядом-LOC да Q тот
Ближе, так ведь, он?

Инф 1: nu, kəž'ə... hm, hm, hm, hm...
ну как хм хм хм хм
Ну как ... гм, гм, гм, гм...

Инф 2: paral'el'no kəž'ə so?
параллельно как тот
Параллельно они, как?

Инф 1: nu pun ken’a-ke sobere marəm eto nu gde-to naverno
ну класть сколько-INDEF потом что это ну где-то наверно
so... odig parš’p’i-jez kuž’da v’is-e van’.
тот один поросёнок-P.3 длиной.c промежуток-P.1 быть

Ну положи сколько-то потом это самое, ну где-то, наверное, это длиной в одного поросенка промежуток есть.

Инф 2: aha.

Ага.

Инф 1: vala-d a kəž’ə?
понимать.PRT-2 Q как

Поняла как?

Инф 2: ben.
да

Да.

Инф 1: i so v... marəm pal’l’a-lan... pal’l’an-gez šor-a-z-gez.
и тот что левый-APPROX левый-COMP середина-LOC-З-COMP

И они в ... что-то слева ... левее, ближе к центру.

Инф 2: šor-a-z-ges ben a mar a?
середина-LOC-З-COMPAR да Q что Q

В середине что ли?

Инф 1: ben, nu visk-əz odig parš’pi kuž’da gine.
да ну промежуток.OBL-P.З один поросёнок длиной.c только

Да, ну расстояние длиной в одного поросенка только.

Инф 2: aha.

Ага.

7.3. Отрывок диалога (эксперимент с планом местности)

Инф 1: abi bakč’a-ješ’t-əz uriš’k-i-z mar-az, pot-e
бабушка огород-EL-З прополоть-PRT-З что-P.З выходить-ЗSG:PRS
n’i, lokt-e magaž’in-e.
уже идти-ЗSG:PRS магазин-ILL

Бабушка с огорода, прополола, может быть, еще что-то, выходит уже, идет в магазин.

Инф 1: e, n’et, magaž’in dor-ti... magaž’in-e lokt-i-z, pər-i-z.
э нет магазин около-PROL магазин-ILL идти-PRT-З войти-PRT-З

Э, нет, мимо магазина … в магазин идет, зашла.

Инф 1: mar-e-ke no baš’t-i-z so ot-əš’ n’i, pesok, č’aj.
что-ACC-INDEF тоже купить-PRT-3 тот тот-EL уже песок чай
Что-нибудь купила она там (букв.: оттуда) уже, песок, чай.

Инф 1: sre... mən-i-z... mən-e, mən-e, vu-i-z gurt-a-z.
потом идти-PRT-3 идти-3SG:PRS идти-3SG:PRS дойти-PRT-3деревня-ILL-P.3
Потом шла, идет, идет, домой дошла.

Инф 2: abi a?
бабушка Q
Бабушка, да?

Инф 1: abi.
бабушка
Бабушка

Инф 2: mh, vot.
Мх, вот.

Инф 1: pər-i-z n’i korka-z.
войти-PRT-3 уже дом-(ILL)-3
Вошла уже в дом.

Инф 2: *Вот, есть.*

Инф 2: kokt-et’i korka-n ul-e abi?
два.OBL-ORD дом-LOC жить-3SG:PRS бабушка
Бабушка во втором доме живёт?

Инф 1: abi kwin’m-et’i korka-n ul-e n’i.
бабушка три.OBL-ORD дом-LOC жить-3SG:PRS уже
Бабушка живет в третьем доме уже.

Инф 2: malə?
почему
Почему?

Инф 1: kwin’m-et’i korka-n uk so?
три.OBL-ORD дом-LOC уж тот
В третьем доме ведь она?

Инф 2: kokt-et’i korka-n leš’a val ul?
два.OBL-ORD дом-LOC ведь быть.PRT жить
Во втором доме вроде бы жила?

Инф 2: nu, ladno, ladno, ladno, kwin’m-et’i korka-n, puskaj.
ну, ладно, ладно, ладно три.OBL-ORD дом-LOC пускай
Ну ладно, ладно, ладно, в третьем доме, пускай.

Инф 1: dal'še, sre…
дальше потом
Дальше. Потом…

Инф 1: sre so pot-i-z abi korka-š't-əz, bakča-ti-əz,
потом тот выйти-PRT-3 бабушка дом-EL-P.3 огород-PROL-P.3
mən-i-z lud vəl-e.
идти-PRT-3 поле поверхность-ILL
Потом она вышла бабушка из дома, через огород вышла к полю.

Инф 1: lud vəl-e mən-i-z, mən-i-z...
поле поверхность-ILL идти-PRT-3 идти-PRT-3
По полю шла, шла…

Инф 1: lud vəl-ti vel't'-i-z reka dor-e.
поле поверхность-PROL идти-PRT-3 река около-ILL
По полю ходила к реке.

Инф 2: lud vəl-ti ʒ'eg pəl-ə ten'... ʒ'eg pəl-ə
луг поверхность-PROL рожь внутри-ILL вот рожь внутри-ILL
e-z a pəra?
NEG2-3 Q входить
По лугу, в рожь ... вот в рожь не заходила ли?

Инф 1: nu, ʒ'eg pəl-ə pəra-z pərtaz.
ну рожь внутри-ILL пройти.PRT-3 [оговорилась]
По ржи прошла.

Инф 2: aha, vot, vot.
Ага, вот, вот.

Инф 1: ʒ'eg pəl-ti, ʒ'eg pəl-ti orč'-i-z.
рожь внутри-PROL рожь внутри-PROL пройти-PRT-3
Через рожь прошла.

Инф 2: *Здесь... ходила она.*

Инф 1: *Э, Володя?*

Инф 2: *А?*

Инф 1: man'a abi pot-i-z uja-sa cerkov-e.
Маня бабушка пройти-PRT-3 плыть-CONV церковь-ILL
Баба Маня прошла проплывя в церковь.

Инф 1: č’erk... reka-ti pot-i-z, n’e vəž vəl-ti-əz,
церк[овь] река-PROL пройти-PRT-3 не мост поверхность-PROL-P.3
a reka-ti pot-i-z.
а река-PROL пройти-PRT-3
Церковь…через речку переплыла (букв.: прошла), не через мост, а через речку переплыла (букв.: перешла).

Инф 1: i vu-i-z č’erk-e.
и дойти-PRT-3 церковь-ILL
И пришла в церковь

Инф 2: abi-ed a?
бабушка-P.2 Q
Твоя бабушка?

Инф 1: abi-jed.
бабушка-P.2
Бабушка.

Инф 2: fu!
Фу!

Инф 2: kətč’-e... č’erek dor-e a?
где-ILL церковь около-ILL Q
Куда, к церкви?

Инф 1: lud-ti ʒ’eg pəl-ti pot-i-z.
поле-PROL рожь внутри-PROL пройти-PRT-3
Через поле, через рожь вышла.

Инф 2: ben.
Да.

Инф 1: i reka-ti so... pot-i-z, reka-ti pot-i-z, č’erk-e
и река-PROL тот пройти-PRT-3 река-PROL пройти-PRT-3 церковь-ILL
vu-i-z.
дойти-PRT-3
И через речку она вышла, через речку вышла, в церковь пришла.